

Изданные в разные годы статьи настоящего сборника посвящены актуальным проблемам уголовного права. Рассматриваются вопросы, касающиеся понятий общественных и уголовно-правовых отношений, основания и сущность уголовной ответственности, вины и наказания за совершенные преступления. Обосновывается необходимость соответствующих изменений уголовного законодательства. Из материалов сборника следует неординарный вывод о том, что непосредственным основанием уголовной ответственности и наказания является не сам факт совершения запрещенного общественно-опасного деяния, а его мысленная идеальная модель, созданная уголовно-процессуальной деятельностью государства, опредмеченная в материалах уголовного дела и квалифицированная как преступление, предусмотренное Уголовным кодексом.

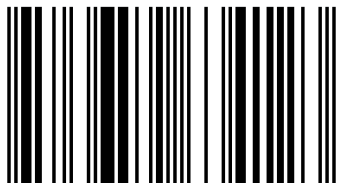

Александр Дугин

Проблемы уголовных правоотношений, вины, ответственности и наказания

Александр Дугин - Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Гуманитарного института Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Преполагает уголовное право и читает спецкурс "Правоотношения в уголовно-процессуальной деятельности".

978-3-659-63412-3

Александр Дугин

**Проблемы уголовных правоотношений, вины,
ответственности и наказания**

Александр Дугин

**Проблемы уголовных
правоотношений, вины,
ответственности и наказания**

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

LAP LAMBERT Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@lap-publishing.com

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-63412-3

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2015 OmniScriptum GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2015

Проблемы уголовных правоотношений, вины, ответственности и наказания

Изданные в разные годы статьи настоящего сборника посвящены понятиям и проблемам общественных и уголовно-правовых отношений, их взаимосвязи с уголовно-процессуальными отношениями, а также особенностям вины, ответственности и наказания за преступления и необходимости изменения в этой части действующего уголовного закона.

Содержание.

Введение.....	2
Понятие и виды объектов преступления.....	7
Основания и виды уголовного правоотношения.....	14
Объекты и субъекты досудебной уголовно-процессуальной деятельности.23	
Механизм возникновения и реализации общей и частных целей досудебной уголовно-процессуальной деятельности.....	33
Проблема законности и обоснованности предъявления обвинения.....	39
Ответственность: позитивная и негативная, личная, социальная, правовая и уголовная.....	46
Понятие и виды ответственности.....	50
Проблема основания уголовной ответственности.....	56
Уголовная ответственность и ее основание.....	63
Основание уголовной ответственности.....	74
Проблема умышленной вины в Уголовном кодексе РФ.....	79
Уголовно-правовое понятие вины.....	85
Уголовное наказание как вид коллективной деятельности государства....	88
Заключение.....	93
Библиографический список.....	95

Введение.

Уголовно-правовые отношения – это урегулированная правом часть общественных отношений. Общественные отношения в целом являются частью общественного сознания. Они состоят из обобщенных нормативно-типовых представлений общества о социально значимом поведении людей. Эти представления определяют отношение общества как коллективного субъекта к различным видам данного поведения.

Отношения предваряют, регулируют и контролируют фактическое поведение людей сообразно с интересами общества. Содержанием отношений является мысленная (рациональная) и частично чувственная (эмоциональная) предрасположенность общества к различным видам данного поведения.

В зависимости от результатов прошлого сходно повторявшегося общественно значимого поведения эта предрасположенность может быть как позитивной, так и негативной. При этом позитивная предрасположенность обобщенно представляет опыт прошлого сходно повторявшегося общественно полезного поведения, а негативная - опыт прошлого сходно повторявшегося общественно вредного опасного поведения.

Позитивные и негативные предрасположенности общественного сознания к определенным видам социально значимого поведения используются для организации настоящего и предстоящего потребного поведения людей в соответствии с интересами общества. С этой целью государство опредмечивает их в обязательных для исполнения нормах права.

Нормы права предписывают субъектам воспроизводить позитивные общественно полезные виды поведения и запрещают совершение негативных общественно опасных вредных видов поведения. Данные предписания и запреты даются в правовых нормах в виде типовых идеальных образцов общественно значимого поведения. Поведение, осуществляемое по указанным в праве нормативным образцам, создает правовые отношения, представляющие центральную «ядерную» часть общественных отношений и, соответственно, всего общественного сознания.

Важное место в урегулированной правом части общественного сознания занимают уголовные правоотношения, регламентированные нормами уголовного права. Данная отрасль правовых норм направлена на обеспечение беспрепятственного воспроизводства общественно полезных видов поведения посредством наложения запретов на альтернативные общественно вредные опасные виды поведения и определяет правила привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в нарушении этих правовых запретов.

Таким образом, участниками уголовных правоотношений становятся с одной стороны субъекты, нарушающие и соблюдающие уголовно-правовые запреты, а с другой – государство. В качестве наделенного властью коллективного субъекта оно привлекает к уголовной ответственности лиц виновных в совершении преступлений и реабилитирует невиновных, необоснованно привлеченных к данной ответственности.

Ключевыми моментами уголовных правоотношений являются такие их составляющие как субъекты и объекты правоотношений, вина лиц совершивших преступления, понятие и сущность уголовной ответственности и наказания.

Несмотря на многовековой период существования уголовного права понятие, механизмы и функции уголовных правоотношений до настоящего времени даже для специалистов не обладают достаточной ясностью. В связи с этим по вопросам большой социальной значимости, таким, например, как основание уголовной ответственности, вина и наказание лиц совершивших преступления не сложилось общепринятых точек зрения, а имеющиеся разногласия не лучшим образом сказываются на эффективности уголовно-правовых мер борьбы с преступностью.

В центре отмеченных разногласий находится вопрос о времени возникновения уголовного правоотношения. В Уголовном Кодексе Российской Федерации законодательное закрепление получило не имеющее общего признания положение о том, что уголовное правоотношение возникает объективно и независимо от сознания в момент совершения деяния, нарушающего норму уголовного права. Эта точка зрения

представлена в ст. 8 УК РФ, где в качестве основания уголовной ответственности предписано считать «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом».

Согласно этому предписанию данное основание на практике превращается в основание возбуждения уголовного дела и, соответственно, в основание всех произведенных по нему следственных действий, существенно ограничивающих права и законные интересы граждан. Исходя из этой концепции, возбуждение уголовного дела, впоследствии прекращенного по реабилитирующим основаниям, в лучшем случае считается серьезной ошибкой следователя. Соответственно, все произведенные по такому делу следственные действия автоматически переходят в разряд существенных нарушений закона и конституционных прав граждан со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая необходимость привлечения следователя к служебной, а иногда и к уголовной ответственности.

Указание на «совершение преступления», как на фактическое основание уголовной ответственности, представляющее, согласно ст. 8 УК РФ, событие преступления в момент его совершения в наличной внешней среде, является следствием доминировавшей в СССР марксистской философской позиции, презюмирующей первичность материального по отношению к идеальному. Эта, социально обусловленная, а значит и в какой-то мере конъюнктурная точка зрения в настоящее время не кажется столь уж очевидной и однозначной. А главное, она не в полной мере согласуется с тем, что уголовные правоотношения в целом являются частью общественного сознания, что они есть идеально обобщенный опыт прошлого сходно повторявшегося общественно вредного поведения людей материально опредмеченный или словесно обозначенный в нормах уголовного права.

Конкретные частные уголовные правоотношения, наряду с указанным идеально обобщенным опытом, опредмеченным в нормах уголовного права, содержат еще и другое, обособленно данное идеальное, заочно представляющее в материальных и идеальных следах наличной действительности прошлое конкретное индивидуальное поведение, словесно

обозначенное в материалах уголовных дел и квалифицированное как преступление по соответствующим нормам уголовного права.

Событие преступления в его фактическом материальном выражении ко времени привлечения виновных лиц к уголовной ответственности отсутствует в наличной действительности, так как оно сразу же после своего совершения объективно пребывает уже в безвозвратном прошлом. По этой причине и вопреки содержанию ст. 8 УК РФ преступление в натуральном материальном его выражении не может возвратиться из прошлого в настоящее и в этом качестве стать основанием уголовной ответственности, постулированным в данной статье Уголовного Кодекса.

Возвращение совершенного деяния из прошлого в настоящее возможно только в рамках сознания, то есть идеально мысленно и отчасти эмоционально в виде словесно обозначенной идеальной модели, заочно представляющей совершенное преступление в наличной внешней среде посредством опредмечивания ее в материалах уголовного дела. Материально опредмеченное идеальное в этом случае превращается в реальную материальную основу идеальной модели преступления.

Указанная модель интеллектуально создается органом расследования в процессе уголовно-процессуальной деятельности. Она состоит из относительно обособленных фрагментов информации содержащейся в следах преступления обнаруженных при расследовании и признанных доказательствами по уголовному делу в установленном законом порядке. Данная модель является идеальной копией материального оригинала. Подтверждением соответствия копии оригиналу являются материалы уголовного дела.

Не учитывающий этого, но обусловленный ст. 8 УК РФ подход к возбуждению и прекращению уголовных дел объективно способствует излишней перестраховке и нерешительности следователя или органа дознания в решении вопросов о своевременном возбуждении уголовных дел. Он понуждает должностных лиц ведущих расследование к установлению фактов совершения преступления еще до возбуждения

уголовных дел при помощи не процессуальных средств, чреватых грубыми нарушениями закона.

Вместе с тем, установив невиновность подсудимых в совершенных преступлениях, указанные лица, избегая ответственности за незаконное возбуждение против них уголовных дел, вольно или невольно медлят с обоснованным их прекращением по реабилитирующим обстоятельствам, попадая тем самым под власть пресловутого обвинительного уклона. При этом они утрачивают необходимую и предписанную им в законе объективность, самостоятельность и инициативу в расследовании, оказываясь в чрезмерной зависимости от конъюнктурных, порой, решений своих руководителей.

Для избавления от этих существенных недостатков предварительного следствия и дознания по уголовным делам, способствующим нарушениям прав и законных интересов граждан при их привлечении к уголовной ответственности и наказанию, необходима соответствующая коррекция уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В свою очередь, для ее осуществления требуется достижение необходимой ясности, однозначности и, соответственно, общепринятости взглядов на понятие уголовного правоотношения, на время и механизмы его возникновения и реализации, на содержание вины лиц, совершивших преступление и на основание уголовной ответственности и наказания, а также на содержание самого наказания и на механизмы его фактической реализации. Предложениям по изменению уголовного закона в этом направлении как раз и посвящены изданные в разные годы, но исправленные и дополненные статьи предлагаемого сборника.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ОБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ*

Объект преступления – это общественные отношения. Единой точки зрения на то, что конкретно они собой представляют, не существует.¹ Однако не вызывает сомнения и то, что в их основании лежит социально значимое поведение людей. Оно и определяет отношения между ними. Как люди ведут себя относительно друг друга, такие между ними складываются и отношения.

Если социально значимое поведение идет на пользу отдельным людям и обществу в целом, то оно поощряется и распространяется. Если же поведение причиняет вред интересам общества или создает опасность его причинения, то это влечет его неприятие. Такое поведение не поощряется. Более того, оно осуждается и пресекается. Получается, что общественные отношения есть отношения людей к социально значимому поведению.

С одной стороны эти отношения направлены на создание, поощрение и распространение общественно полезного поведения, с другой - на осуждение, запрещение и пресечение общественно опасного вредного поведения. Другими словами общественные отношения образуются и реализуются в социально значимом поведении. Можно даже сказать, что социально значимое поведение является неотъемлемой составной частью общественных отношений.

Данное поведение и возникающие на его основе отношения постоянно в той или иной мере изменяются. И эти изменения не остаются без внимания общества. Они им регулируются. Функция регулирования в значительной ее части поручается государству. Исполняя ее, государство заключает социально значимое поведение в нормативно-правовые общеобязательные рамки и следит за неуклонным их соблюдением. Удерживая социально значимое поведение в правовом поле, государство тем самым создает, контролирует и регулирует соответствующие ему общественные отношения, которые в этом случае обретают нормативно правовой статус. В

*Дугин А.Т. Понятие и виды объектов преступления. // Правовед. Межвуз. науч. сб. Великий Новгород, 2015., с. 141-145.

¹ Подробнее см.: Мальцев В.В. Учение об объекте преступления. В 2-х томах. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. Волгоград. 2010.

соответствии с этим статусом общественные отношения превращаются в нормативно-правовые отношения, действующие в системе отраслей права. В связи с этим различают гражданские, трудовые, семейные и другие правоотношения.

Нормы права, как регулятор социально значимого поведения и соответствующих ему общественных отношений делятся на две части. Это нормы так называемого позитивного и негативного права. Позитивное право состоит из норм – предписаний. Они регулируют общественно полезное поведение, обязывая субъектов вести себя в соответствии с данными в них предписаниями. Негативное право образуют нормы – запреты. Они обозначают и запрещают под угрозой наказания общественно вредное опасное поведение.

Государство, регулируя при помощи этих разновидностей права социально значимое поведение, тем самым проявляет к нему позитивное либо негативное отношение. Отрасли права, состоящие из норм-предписаний, содержат позитивное отношение государства и общества к данному в них поведению. Отрасли права, состоящие из норм-запретов, наоборот, представляют негативное отношение государства и общества к указанному в них поведению.

Исходя из этого, можно заключить, что отрасли позитивного и негативного права являют собой не только собрания сходных в чем-то способов или видов социально значимого поведения, но и сборники опредмеченных в них общественных отношений. Принимая это как факт, следует, однако, иметь в виду, что в сравнении с нормами права правоотношения демонстрируют более высокий уровень обобщения социально значимого поведения, чем это имеет место в нормах права. Например, позитивное отношение общества и государства к собственности и к производству социально значимых материальных благ реализуется в поведении, предусмотренном отраслями гражданского и трудового права, а негативное отношение государства к правонарушениям – отраслями административного и уголовного права.

В Уголовном Кодексе Российской Федерации конкретные виды охраняемых государством общественных отношений прямо указаны в разделах и главах его Особенной части. Это позитивные отношения к жизни, здоровью, к правам и свободам граждан, к собственности, к поддержанию общественной безопасности и общественного порядка и др.

Альтернативой позитивным общественно полезным отношениям и соответствующим им видам поведения, урегулированным нормами позитивного права, являются общественно вредные опасные виды поведения и возникающие на их основе вредные опасные отношения между людьми. Фактическое исполнение социально вредного опасного поведения вместо общественно полезного ограничивает и сокращает сферу действия общественно полезных видов поведения и существующих на их основе позитивных общественных отношений. Эти ограничения и сокращения влекут неблагоприятные последствия и причиняют вред гражданам, обществу и государству. Такие же неблагоприятные последствия наступают и от непосредственного применения общественно опасных, вредных видов и способов поведения.

Учитывая это, государство выявляет и запрещает общественно вредные виды поведения при помощи норм негативного права. Особая роль в этом принадлежит уголовному праву. Оно объявляет такие виды поведения преступлениями и запрещает их совершение под угрозой наказания. Делая это, государство превращает общественно полезные виды поведения и соответствующие им виды общественно полезных отношений в объекты уголовно-правовой охраны, защищающей их от вреда, причиняемого совершением преступлений.

Представления об объектах преступления как об общественно полезных отношениях, находящихся под защитой государства, существовали в сознании людей на протяжении многих веков. В том числе они имелись уже во времена Древнего Рима. Известно, например, заявление римского философа и государственного деятеля Сенеки конокраду: «Мы убиваем тебя не потому, что ты украл лошадь, а потому, что лошади не

должны быть украдены».² Дошло до нас и другое более общее его высказывание на эту тему: «Всякий разумный человек наказывает не потому, что был совершен проступок, но для того, чтобы он не совершался впредь».

Различают общий, родовой (видовой) и непосредственный объекты. Общий объект – это вся совокупность общественных отношений, указанных в ст. 2 УК РФ на которые посягают преступления, предусмотренные Особенной частью Уголовного Кодекса. Общий объект позволяет в какой-то мере отличить преступление от других видов правонарушений и вообще от ненаказуемых видов поведения.

Родовой объект является общим не для всех, а лишь для некоторых обособленно данных совокупностей в чем-то сходных между собой видов преступных проявлений. Родовые объекты являются основаниями разделения множественности статей Особенной части УК РФ на разделы и главы в очередности, соответствующей иерархии приоритетов уголовно-правовой охраны. Такими приоритетами являются интересы личности, общества и государства.

Родовой объект – основа квалификации преступлений. Нередко он является решающим признаком при разграничении близких по содержанию составов преступлений.

Непосредственный объект - это общественное отношение или группа таких отношений, на которые посягает преступление, предусмотренное отдельной статьей Особенной части УК. Согласно определению, данному В. В. Мальцевым «под непосредственным индивидуальным объектом преступления (охраны) понимается предусмотренное уголовным законом социально значимое, конкретное общественное отношение (отношения), которое охраняется от отдельных видов преступных посягательств, выраженных в уголовно-правовых нормах посредством конкретных составов преступлений».³

На одно и то же общественное отношение могут посягать несколько преступлений как из одной, так и из нескольких глав и разделов УК. Точное

² Цит. из кн. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М. 1978., с. 51.

³ Мальцев В. Виды непосредственного индивидуального объекта преступления. // Уголовное право, № 1, М. 2012, с. 58-64.

определение непосредственного объекта конкретного преступления есть обязательное условие правильной квалификации. Например, ответственность за подделку монет царской чеканки не может наступить по статье о фальшивомонетничестве из-за отсутствия посягательства на общественные отношения в кредитно-финансовой системе.

Некоторые преступления способны посягать на несколько объектов одновременно. При этом один из них является главным или основным, другие второстепенными или дополнительными. Основной объект всегда лежит в плоскости родового объекта. Он является его частью и главной целью уголовно-правовой защиты, предусмотренной конкретной статьей УК. Дополнительный объект находится за пределами родового объекта содержащей его статьи, но неизбежно ставится в опасность причинения вреда при совершении преступления. Примером статьи, содержащей основной и дополнительные объекты может служить ст. 162 УК РФ – разбой. Основным объектом в ней являются отношения собственности, а дополнительным – жизнь и здоровье потерпевших.

По основному объекту посягательства преступления помещаются в ту или иную главу (раздел) Особенной части Уголовного Кодекса. Основной объект разбойного нападения – это отношения собственности. Поэтому статья об этом преступлении и помещена в главу, предусматривающую уголовную ответственность за преступления против собственности.

Составной частью объекта преступления является предмет преступления. Предмет преступления – это элемент общественного отношения, на которое посягает преступление. Предметом преступления могут быть только физические предметы, воздействуя на которые преступник причиняет вред объекту и совершает тем самым преступление.

От предмета преступления следует отличать орудия и средства совершения преступления, применяемые для исполнения преступного деяния.

Если преступление воздействует непосредственно на человека и ему при этом причиняется физический вред или он ставится под угрозу причинения такого вреда, то он в таких случаях именуется потерпевшим. В

этом качестве он, как и указанные выше предметы, является элементом или составной частью объекта преступления.

Говоря об общественно полезных отношениях как об объектах преступления, следует иметь в виду, что и преступления, в свою очередь, являются объектами общественных отношений. И эти отношения, как показано выше, не позитивные, а, наоборот, негативные. В наиболее общей форме эти негативные отношения к преступлениям сформулированы в ст. 14 УК РФ. Преступление в ней характеризуется государством как «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Отношения государства и общества к отдельным видам деяний с такими признаками в менее обобщенной нормативной форме даются в диспозициях статей Особенной части УК РФ. Они сформулированы в них в виде обособленных друг от друга составов типовых признаков общественно опасных деяний, позволяющих отличать каждый указанный в них вид преступных проявлений от всех других видов преступлений.

Важно также отметить и то, что негативное отношение государства к совершенным преступлениям в качестве обязательной составляющей содержит вину субъектов в совершенных ими преступлениях. Вина, как известно, есть личностное индивидуальное отношение субъекта к совершенному им преступлению.

Данное отношение должно соответствовать установленным в уголовном праве интеллектуальному и волевому критериям. Согласно интеллектуальному критерию субъект совершающий преступление должен и мог сознавать фактический характер совершаемых им действий, а также отношение общества и государства к его деянию как к преступлению, признаки которого указаны в ст. 14 Общей части и соответствующей статье Особенной части УК РФ. В соответствии с волевым критерием субъект должен обладать способностью руководить своими действиями с учетом негативного отношения к ним государства и общества, представленного в нарушенных им статьях Уголовного Кодекса.

Данные критерии указывают на то, что человек виновен в преступлении только в тех случаях, когда его совершение опосредовано сознанием. «Без сознания и воли, - пишет Н. С. Малеин, - нет деяния ни противоправного, ни правомерного...право регулирует сознательное волевое поведение и рассчитано только на него. Право в равной степени бессильно регулировать и, в частности, запрещать как процессы природы (землетрясения, тайфуны), нрав диких животных, так и бессознательные состояния человека, несмотря на то, что эти события и явления могут быть опасными в смысле причинения вреда.⁴ «Как нет правонарушения при стихийных силах природы, - утверждает Н. С. Малеин, - так нет его и в невиновном случае с человеком»⁵

Соглашаясь с этим, следует придти к однозначному выводу, о том, что общественные отношения, потерпевшие вред от невиновного поведения людей, даже если они и отмечены в Уголовном Кодексе в качестве объектов уголовно-правовой охраны, не могут быть объектами преступных деяний. Более того, сами эти деяния, даже если они и указаны в статьях Особенной части Уголовного Кодекса как преступления таковыми признаваться не могут в случаях отсутствия вины субъектов в их совершении.

⁴ Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985., с. 14.

⁵ Малеин Н. С. Там же ... с. 14.

ОСНОВАНИЯ И ВИДЫ УГОЛОВНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ.*

Вопрос о моменте возникновения уголовного правоотношения является одним из самых фундаментальных и актуальных как для уголовного, так и для уголовно-процессуального права. В сравнении с другими межотраслевыми проблемами он обладает высокой дискуссионностью. С ним связываются практически все стадии уголовного процесса - совершение преступного деяния¹, поступление в государственный орган заявления и сообщения о преступлении², возбуждение уголовного дела³, задержание подозреваемого⁴, привлечение в качестве обвиняемого⁵, вступление приговора в законную силу⁶.

Для правильного разрешения данного вопроса крайне важно иметь надлежащее представление об основании уголовного правоотношения. Поскольку преступление в качестве такого основания практически не вызывает возражений, то следует признать, что корень многих разногласий заключается в различном толковании именно этого понятия, понятия преступления. Но не уголовного, а уголовно-процессуального.

Многие авторы понимают под преступлением фактическое деяние в момент его совершения, если оно по своим объективным признакам соответствует типовому нормативному преступному деянию, указанному в статье Особенной части УК. Результатом такого понятия является утверждение, что “приговор суда не делает человека преступником, а признает преступником того, кто стал им в момент совершения преступления”⁷.

Данный подход к понятию преступления представляется верным только наполовину, в его фактическом, но не юридическом плане. Он не дает ответа на вопрос, каким конкретно способом общественно опасное деяние и уголовная норма находят друг друга в реальной действительности в момент совершения деяния, как отождествляются между собой их юридические признаки и каким именно образом может возникать при таком отождествлении материальное уголовное правоотношение. Правовая норма не может самостоятельно отождествиться с юридическим фактом и породить соответствующие юридические последствия. Следовательно, общественно

опасное деяние не в состоянии обрести юридический статус преступления, а его субъект стать преступником в силу одного только факта его совершения.

Этого не происходит, во-первых, потому, что в момент совершения деяния отсутствуют надлежащие условия для его отождествления с соответствующей уголовной нормой. Общественно опасное деяние, в отличие от тождественной ему уголовной нормы, по мере своего осуществления немедленно исчезает из наличной действительности в прошлое, оставляя в ней после себя лишь материальные и идеальные мысленные следы. Во-вторых, из-за того, что эти следы в значительной своей части не носят очевидный характер. Порой их нелегко обнаружить даже с помощью научно-технических, криминалистических методов и масштабных организационных и оперативно-розыскных мероприятий. В-третьих, даже будучи обнаруженными, эти следы, взятые по отдельности, сами по себе, без их структурных взаимосвязей, не отражают, оставившее их деяние во всех его юридических свойствах (признаках). Последние могут быть установлены в следах только путем применения специальных знаний и навыков, научно-технических, криминалистических и уголовно-процессуальных средств. Наконец, в-четвертых, если даже представить эти проблемы разрешенными, то и тогда уголовная норма не могла бы сама собой отождествиться с конкретными жизненными обстоятельствами, влекущими юридические последствия. Для этого нужен процесс правоприменения посредством уголовно-процессуальной деятельности.

В процессе этой деятельности следы общественно опасного деяния извлекаются из слеодообразующей среды в установленном законом порядке и изучаются в их системном взаимодействии с применением специальных знаний и научно-технических средств. По результатам их изучения на основе этих следов создается фактическая уголовно-процессуальная модель общественно опасного деяния во всех его юридических свойствах. Таким способом деяние в его идеальной мысленной форме возвращается обратно из прошлого в настоящее в готовом для отождествления с уголовной нормой виде. Сравнивая и отождествляя словесно опредмеченную в уголовном деле идеальную модель конкретного фактического деяния прошлого с типовой

правовой моделью преступления данной в уголовной норме, правоприменительный субъект уголовно-процессуальной деятельности - следователь или орган дознания - воссоздает преступление как юридическое явление в обязательной по закону уголовно-процессуальной форме. Из этого следует, что ни одно общественно опасное деяние прошлого не может именоваться преступлением в его юридическом значении до тех пор, пока оно с помощью оставленных им следов в наличной действительности не будет идеально возвращено из прошлого в настоящее и в этом настоящем облечено в установленную законом уголовно-процессуальную форму. Иной подход к решению данного вопроса означал бы нарушение принципа презумпции невиновности и конституционных прав граждан.

По этим причинам понятие латентной преступности и нераскрытого преступления не может быть использовано ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном праве, ни в уголовном процессе как в деятельности.

Данные понятия уместны, допустимы, необходимы лишь в решении организационных, статистических, криминологических задач в борьбе с преступностью как с целостным социальным явлением, отличным от составляющих его отдельных конкретных деяний, подлежащих индивидуальному расследованию в соответствии с нормами уголовного и уголовно-процессуального права.

Преступление в его идеальной мысленной форме как юридическое основание уголовного правоотношения лежит не в начале, а в конце уголовно-процессуальной деятельности. В этом качестве оно конечный результат этой деятельности, а не ее начало. Конкретное преступление в его юридической идеальной форме в буквальном смысле создается государством, его законодательными, а затем и правоохранительными органами.

Конкретное воплощение этот процесс находит в издании уголовных и уголовно-процессуальных норм, в уголовно-процессуальной деятельности, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого по уголовному делу, в обвинительном заключении и окончательно в обвинительном приговоре суда или постановлении о прекращении уголовного дела либо отказе в его

возбуждении с признанием в действиях конкретного лица состава преступления.

Создание уголовно-процессуальной деятельностью юридической стороны преступления означает и создание ею юридического основания для возникновения уголовного правоотношения, регулируемого при помощи санкции нарушенной преступлением уголовной нормы. В связи с этим следует признать излишне категоричным утверждение В. 3. Лукашевича, что уголовно-процессуальная деятельность “может устанавливать, но не порождать уголовно-правовое отношение”⁸. По той же причине нельзя согласиться и с тем, что уголовное правоотношение, основанное на преступлении, предшествует возникновению уголовно-процессуальных отношений,⁹ что возбуждение дела является первым актом такого уголовно-правового отношения¹⁰ и основанием всей уголовно-процессуальной деятельности¹¹. Вряд ли окажется верным в этой связи и представление о том, будто бы по мере развития уголовно-процессуальных отношений “все более и более рельефно выступает и делается определенным уголовно-правовое отношение”¹², а “юридическая цель процесса заключается в том, чтобы материальные и процессуальные отношения совпали между собой.”¹³

Как было показано выше, общественно опасное деяние, едва возникнув в наличной действительности, немедленно и безвозвратно уходит из нее в прошлое, а вместе с ним утрачивается и фактическое основание для уголовно-правового отношения. Если бы уголовное правоотношение возникало в момент совершения общественно опасного деяния, то оно вместе с ним неизбежно и исчезало бы из наличной действительности, т. к. не могло бы далее в ней существовать при отсутствии своего основания. Однако это противоречит существующему положению вещей. Уголовное правоотношение, основанное на преступном поведении, после своего возникновения никуда не исчезает и длится до тех пор, пока лицо, его совершившее, не отбудет назначенное ему наказание¹⁴.

Данное противоречие снимается, если момент возникновения уголовного правоотношения связывать не с преступным, а с правомерным поведением субъектов при вступлении в действие уголовной нормы

Особенной части УК. Дело в том, что уголовная норма регулирует общественные отношения с помощью двух моделей поведения. Одна из них основана на правомерном поведении и регулирует, общественные отношения через диспозицию нормы, вторая - на преступном поведении и регулирует отношения через санкцию этой статьи. Правоотношение, основанное на правомерном поведении, предполагает, что граждане (субъекты) путем пассивного поведения воздерживаются от нарушения указанного в диспозиции нормы запрета на определенные общественно опасные деяния. Государство как субъект правоотношения активными ответными действиями на такое правомерное поведение присущими ему властно-распорядительными средствами обеспечивает законопослушным субъектам соблюдение их конституционных прав и свобод, включая ограждение их от преступных посягательств. С этой целью оно, в установленном законом порядке, постоянно и в необходимом объеме контролирует поведение граждан. Контроль осуществляется посредством изучения внешней среды, содержащей следы деяний прошлого, в том числе и следы преступлений, указанных в диспозициях статей Особенной части УК РФ.

Главная проблема такого контроля состоит в том, что во многих случаях следы преступных и не преступных деяний трудно отличить друг от друга по одним только объективным признакам. Например, одинаковые по объективной стороне общественно опасные деяния могут быть совершены как субъектом, так и не субъектом преступления. Довольно часто правоохранительные органы не могут получить достаточно данных о принадлежности обнаруженных следов к преступному или не преступному поведению даже после значительного процессуального расследования. Типичной сложностью разрешения данного вопроса как раз и обусловлено возникновение криминалистической науки, уголовно-процессуального права и уголовного процесса как такового со всеми его многочисленными, но не абсолютными гарантиями от неистинности результатов процессуальной деятельности. В связи с этим каждый раз при обнаружении следов, которые предположительно могли бы принадлежать преступному деянию прошлого, государство, выполняя свою обязанность перед законопослушными

гражданами об ограждении их от преступных посягательств, принимает предусмотренные законом меры по выявлению других еще не обнаруженных следов деяния, достаточных для однозначного разрешения данного вопроса.

В силу наличия уголовного правоотношения, основанного на правомерном поведении граждан, данная обязанность подлежит безусловному исполнению, независимо от результатов проверки. Поэтому нельзя согласиться с относительно распространенным мнением, что возбуждение уголовного дела, когда “в действительности преступление не было совершено, означает промах, серьезную ошибку”¹⁵.

Изложенное свидетельствует, что первичным основанием для уголовно-процессуальной деятельности являются уголовные нормы. Они дают органам расследования типовые образцы тех общественно опасных деяний, фактическое совершение которых они обязаны устанавливать по оставленным им в наличной действительности материальным и идеальным мысленным следам.

Уголовные нормы создают для государства обязанность подвергать процессуальной проверке, в том числе с возбуждением уголовных дел, все обнаруженные следы, которые предположительно могли бы принадлежать преступному деянию прошлого. И эта коренная обязанность, порождающая всю уголовно-процессуальную деятельность и в ней находящая свое практическое воплощение, является следствием уголовного правоотношения, возникающего на основе правомерного поведения граждан в момент вступления в действие соответствующей уголовной нормы Особенной Части УК.

Такой подход к основанию и моменту возникновения уголовного правоотношения полностью соответствует презумпции невиновности в уголовно-процессуальной деятельности и дает ей, как можно надеяться, надлежащее теоретическое обоснование, т. к. позволяет осуществлять процесс правового регулирования общественных отношений вплоть до момента вынесения обвинительного приговора в его позитивном плане через диспозицию статьи уголовной нормы.

Осознание субъектами уголовно-процессуального правоприменения положения подследственного в рамках данного типа правового регулирования лишает возможности считать его преступником с момента совершения расследуемого деяния. Это понуждает орган расследования строить правовое поведение по отношению к подследственному не как к преступнику, а как к субъекту правомерного поведения вплоть до вынесения обвинительного приговора и вступления его в законную силу. Только со вступлением в законную силу приговора суда расследованное деяние приобретает требуемые законом преступные формы, а субъект его совершивший приобретает в социальный статус преступника, подлежащего уголовному наказанию.

Установление обвинительным приговором состава преступления в расследуемом деянии является главным, но не единственным основанием для преобразования уголовного правоотношения на основе правомерного поведения субъекта в правоотношение, обусловленное его преступным поведением.

Кроме констатаций в установленной процессуальной форме факта преступного деяния, необходимо определить также и вытекающие из него и из санкции нарушенной уголовной нормы, конкретные права и обязанности субъектов. Без индивидуализации прав и обязанностей субъектов конкретного уголовного правоотношения, регулируемого посредством

санкций уголовных норм, являющихся по большей части относительно определенными либо альтернативными, без четкого разграничения этих прав и обязанностей невозможно само осуществление правоотношения. В противном случае отпадает всякая необходимость правового регулирования, поскольку неиндивидуализированное, неконкретизированное правоотношение практически ничем не отличается от общественного отношения, не урегулированного правом.

Конкретные права и обязанности субъектов материального уголовного правоотношения устанавливаются не постепенно, с момента совершения преступления, а сразу, одномоментно, судом, одновременно с окончательным

установлением преступного факта, при вынесении обвинительного приговора, исходя из тяжести содеянного и личности субъекта, его совершившего, а также из возможностей санкции нарушенной нормы уголовного закона.

Вступление обвинительного приговора в законную силу означает не только наделение субъекта правоотношения новыми конкретными, индивидуализированными, субъективными (субъектными) правами и обязанностями, но и изменение, механизма правового регулирования материального уголовного правоотношения, который с этого момента начинает осуществляться не через диспозицию, а через санкцию нарушенной преступлением уголовной нормы. При этом для начала фактического функционирования нового уголовного правоотношения в соответствии с возложенными на субъекта правами и обязанностями необходимо еще одно обязательное условие - применение властно-распорядительных функций государства, уже не связанных с уголовно-процессуальной деятельностью. Поэтому следует признать вполне справедливым необоснованно оспариваемое рядом авторов утверждение И. С. Ноя о том, что уголовное правоотношение, основанное на неправомерном поведении, "не может появиться, если ему не предшествовало уголовно-процессуальное правоотношение", а уголовно-процессуальное правоотношение "не может появиться после возникновения уголовно-правового отношения"¹⁶.

*Дутин А.Т. Основания и виды уголовного правоотношения. // Правовед, Межвузовский науч.-мед. сб. НовГУ им. Я. Мудрого, вып. № 1, Новгород, 1998., с. 94-10

¹ Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985. С. 17; Казаченко И. Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья. Томск, 1987. С. 45. Уголовное право. Общая часть. М., 1992. С. 50.

² Правоведение. 1968. № 2. С. 154.

³ Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л. 1982. С. 48.

⁴ Медведев Н. Н. Теоретические основы расследования. Краснодар. 1977. С. 15.

⁵ Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М. 1967. С. 95; Виттенберг Г. Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия. Иркутск, 1970 Ч. 1. С. 119-121 и др.

⁶ Загородников Н. И. О пределах уголовной ответственности. Советское государство и право. 1967. № 7. С. 39-40; Ной И. С. Уголовное правоотношение - одна из важных юридических гарантий конституционных прав и свобод советских граждан // Личность преступника и уголовная ответственность. Саратов, 1979. С. 10.

⁷ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 89.

⁸ Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе... С. 17.

⁹ Там же. С. 12.

- ¹⁰ Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 48.
- ¹¹ Чеканов В. Я. Правовые основы уголовного судопроизводства // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. Саратов, 1981. С. 36.
- ¹² Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса Т. 1. С. 91
- ¹³ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М., 1995. С. 196.
- ¹⁴ По моменту прекращения уголовного правоотношения имеются и другие точки зрения, которые не имеют существенного значения для рассматриваемого вопроса.
- ¹⁵ Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975. С. 91.
- ¹⁶ Ной И. С. Уголовное правоотношение - одна из важных юридических гарантий конституционных прав и свобод советских граждан // Личность преступника и уголовная ответственность. Саратов, 1979. С. 22.

ОБЪЕКТЫ И СУБЪЕКТЫ ДОСУДЕБНОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.*

Уголовно-процессуальная деятельность в значительной части представляет ретроспективное субъективное (мысленное или идеальное) проникновение в прошлое. Это во многом определяет специфичность ее объектов и субъектов.

Едва возникнув в наличной действительности, расследуемое деяние исчезает в безвозвратном прошлом, утрачивая тем самым свой материальный характер. Уголовно-процессуальная деятельность, находясь в настоящем, не в состоянии взаимодействовать с деянием, ушедшим в недоступное прошлое. Поэтому оно не может быть ее объектом¹. Таковым должно быть явление, которое продолжает оставаться в настоящем. Находясь в наличной действительности вместе с уголовно-процессуальной деятельностью, оно дает ей возможность фактического осуществления путем непосредственного целесообразного с ним взаимодействия. Таким явлением могут быть только следы деяния прошлого в следовоспринимающей среде настоящего.

В отличие от деяния эта среда не исчезает в прошлом, а переходит в настоящее, сохраняя вызванные в ней деянием изменения. Эти изменения, или следы, и представляют заочно деяние прошлого в настоящем.

Деяние и его следы находятся в причинно-следственных отношениях. Поэтому следы и составляющая их следовоспринимающая среда являются источником информации о реальном существовании деяния в прошлом. Следовательно, они и есть объект уголовно-процессуальной деятельности.

Следовоспринимающая среда содержит следы деяний прошлого в разобщенном, неупорядоченном и часто в неочевидном состоянии. Из-за этого отдельно взятые следы запрещенного уголовной нормой деяния нередко выглядят похожими и даже идентичными отдельным следам других деяний не запрещенных уголовным правом. Для того чтобы отличить следы уголовно наказуемых деяний от всех прочих следов, требуется порой серьезное расследование.²

В связи с изложенным объектом уголовно-процессуальной деятельности являются не только следы уголовно-наказуемых деяний, но и другие похожие следы, до тех пор, пока их невозможно однозначно и достоверно отличить от следов деяний, запрещенных уголовной нормой. Установление таких различий есть одна из основных задач уголовно-процессуальной деятельности, состоящей в том, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Следы деяний и воспринявшая их среда являются объективным основанием для субъективного проникновения в прошлое, путем его идеальной ретроспективной реконструкции, которая состоит в следующем.

Руководствуясь целями, сформулированными в диспозициях норм уголовного права в виде подлежащих наказанию общественно-опасных деяний, криминалистическими закономерностями механизма следообразования этих деяний, подчиняя свое поведение требованиям норм уголовно-процессуального права, субъект ищет и находит в следовоспринимающей среде следы фактических деяний, похожие на следы преступлений. Обнаружив такие следы, он выделяет их из этой среды, изготавливает процессуальные аналоги (копии, модели) их юридических свойств, которые закрепляет в соответствующих процессуальных документах.

Интеллектуально пользуясь данными аналогами как заменителями следов, субъект создает на основе их причинно-следственных связей идеальный, безальтернативный образ деяния прошлого. Затем он идентифицирует его с нормативным образом деяния в диспозиции статьи Уголовного кодекса и словесно опредмечивает в процессуальных документах, таких, как постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, постановлении о прекращении уголовного дела и др.

Если полученный таким способом идеальный образ реального деяния прошлого полностью соответствует нормативному образу деяния, предусмотренному диспозицией уголовной нормы, то такое соответствие означает достижение цели, данной органу расследования в этой уголовной

норме. Установление состава преступления в идеальной модели расследуемого деяния прошлого является также основанием уголовной ответственности лица, совершившего это деяние и необходимым условием реализации санкции уголовной нормы, содержащей данную диспозицию.

Используя парадоксальный оборот, можно констатировать, что субъект, овладевая объектом посредством уголовно-процессуальной деятельности, как бы строит из настоящего прошлое, но уже не в былой невоспроизводимой преступной материальной форме, а в виде субъективного идеального образа-модели³. Данный идеальный образ-модель опредмечивается в процессуальных документах уголовного дела для проверки его другими субъектами уголовно-процессуальной деятельности на соответствие следам деяния прошлого, составу преступления в уголовной норме, а также для использования в качестве основания уголовной ответственности и назначения наказания на последующих стадиях процесса.

Только такое процессуально материализованное идеальное "настоящее прошлое" и может с точки зрения уголовного и уголовно-процессуального права составлять юридическое содержание понятия преступления, а само слово "преступление" использоваться в уголовно-процессуальной практике и в науке как профессиональный термин.

Изложенное с очевидностью свидетельствует, что компетентное процессуальное исполнение ретроспективной реконструкции деяния прошлого в целях надлежащего применения уголовной нормы доступно только правоприменительным субъектам, владеющим профессиональными знаниями в области уголовного, уголовно-процессуального права и криминалистики, а также наделенных соответствующими властно-распорядительными полномочиями. Такими субъектами в уголовном процессе являются следователь и орган дознания.

Со следами как с объектами деятельности взаимодействуют также судебные эксперты и специалисты. Происходит это по решению правоприменительных субъектов, когда у них появляется необходимость в приложении к объекту специальных познаний и навыков из других областей общественной деятельности.

При этом исследуются только фактические свойства объекта и его природные причинно-следственные отношения с расследуемым деянием. Юридическое значение этих свойств и отношений экспертами и специалистами не рассматривается. Поэтому подробности исследовательской стороны их деятельности уголовно-процессуальным законом не регулируются. Процессуальное значение имеют лишь факты установления их правосубъектности, поставленные на их рассмотрение вопросы, общая методика их разрешения, полученные выводы и заключения по результатам исследования.

Следы как объекты уголовно-процессуальной деятельности делятся на две категории - материальную и идеальную или мысленную. С материальными следами уголовно-процессуальная деятельность взаимодействует непосредственно. С мысленными следами непосредственное взаимодействие невозможно из-за отсутствия процессуальных средств способных проникать в нейродинамические структуры мозга. Мысленные следы представляют собой какую-то часть сознания субъектов уголовно-процессуальной деятельности со статусом свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого⁴. Мысленные следы могут быть только опосредствованным объектом уголовно-процессуальной деятельности. Свою материальную форму выражения данный идеальный объект находит в поведении вышеуказанных субъектов - материальных носителей идеального объекта. В связи с этим соответствующее поведение этих субъектов есть непосредственный объект уголовно-процессуальной деятельности следователя, органа дознания, судебного эксперта и специалиста.

Поведение как материальная форма идеального объекта может представлять его различными способами. Последние можно назвать "объектным" поведением субъектов-носителей объекта.

В зависимости от имеющихся различий в данном поведении его следует классифицировать как процессуальное и внепроцессуальное, адекватное и неадекватное идеальному объекту, правомерное и неправомерное. В неадекватном поведении следует различать поведение, искажающее,

скрывающее, а также фальсифицирующее идеальный объект. Например, дача заведомо ложных показаний, отказ от дачи показаний, самооговор.

Мысленные следы в ряде случаев могут не соответствовать общим закономерностям следообразования. Данное несоответствие может наступить как по внутренним “субъектным” причинам биологического характера, например, вследствие физических и психических недостатков субъектов-носителей следов; так и по внешним причинам фактического свойства, например, из-за особенностей времени, места и обстановки, идеального мысленного следообразования. Ввиду этого указанные причины являются дополнительным объектом для правоприменительных субъектов, экспертов и специалистов при условии непосредственного процессуального взаимодействия с ними. Если же данные субъекты изучают прошлые внепроцессуальные проявления этих причин, то объектом их деятельности будут являться уже не сами причины, а их следы в наличной действительности.

Неадекватное неправомерное “объектное” поведение субъектов-носителей, состоящее в искаженном воспроизведении мыслительных следов, также может быть следствием как внутренних личностных причин, например, вследствие наличия у субъекта антисоциальных установок, так и внешних фактических причин, например, таких, как родственные отношения, неправомерное поведение других лиц, заинтересованных в неправильном “объектном” поведении субъектов-носителей мысленных следов. Для предупреждения и пресечения такого поведения правоприменительные субъекты, а в отдельных случаях эксперты и специалисты должны владеть этими внутренними и внешними причинами. Ввиду этого данные причины также являются дополнительным объектом их деятельности при непосредственном процессуальном взаимодействии с ними и их следы при внепроцессуальных проявлениях.

Юридически значимое воспроизведение мыслительных следов происходит во время следственных действий. Нарушения установленного порядка производства процессуальных действий способны при определенных обстоятельствах побудить субъектов-носителей следов к неадек-

ватному неправомерному “объектному” поведению. В связи с этим порядок процессуальных действий правоприменяющих субъектов жестко регламентирован уголовно-процессуальным законом, подлежащим неукоснительному исполнению. Его важной составной частью являются обязанности следователя и органа дознания по обеспечению соблюдения прав и законных интересов субъектов-носителей мысленных следов и других участников процесса.

Ввиду того, что соблюдение прав и законных интересов участников процесса является одной из гарантий адекватного “объектного” поведения субъектов-носителей мысленных следов, а также из-за большой самоценности этих прав и интересов для участников процесса, соблюдение правоприменяющими субъектами соответствующих процессуальных обязанностей нуждается в контроле. Это означает, что процессуальное поведение указанных субъектов тоже должно быть объектом уголовно-процессуальной деятельности. Однако правоприменительное поведение не может быть объектом деятельности самих же производителей этого поведения - следователя и органа дознания. Кроме того, деятельность с целью получения адекватного следов “объектного” поведения субъектов-носителей мыслительных следов и деятельность по соблюдению их процессуальных прав и законных интересов - это не две разных деятельности правоприменительных субъектов, а одна и та же их деятельность, в которой соблюдение прав и законных интересов участников процесса есть необходимое процессуальное условие, гарантирующее правомерность “объектного” поведения субъектов-носителей мыслительных следов, а также процессуальную допустимость результатов процессуальных действий.

Из этого следует, что вся деятельность правоприменительных субъектов по идеальной субъективной реконструкции расследуемого деяния прошлого должна быть объектом контрольной и надзорной деятельности других ее субъектов. Таковыми являются начальник следственного отдела, прокурор и судья, рассматривающий жалобы следственно-заключенных на законность содержания их под стражей. Непосредственным объектом процессуальной деятельности этих субъектов является вышеуказанная

“реконструкционная” деятельность следователя и органа дознания при непосредственном с нею взаимодействии и следы этой деятельности при отсутствии непосредственного взаимодействия. Как правило, такие следы содержатся в процессуальных документах, позволяющих “контролировать точное соответствие поведения субъектов предписаниям процессуальных норм... проследить весь ход реализации субъективных прав и обязанностей”⁵.

Наряду с этим у прокурора и судьи имеется и дополнительный объект деятельности - надзор за законностью контрольной деятельности начальника следственного отдела за “реконструкционной” деятельностью следователя.

В определенных, в разной степени ограниченных рамках, деятельность следователя и органа дознания служит объектом контрольной деятельности лиц не обладающих властно-распорядительными полномочиями, но наделенных по отношению к правоприменяющим субъектам контрольно-апелляционными правами, используемыми ими с той же целью, что и у вышеназванных правоприменительных субъектов с контрольными, надзорными и властнораспорядительными полномочиями.

Общие цели указанных субъектов достигаются различными процессуальными средствами.

Для начальника следственного отдела, прокурора, судьи - это процессуальная обязанность, реализуемая путем жестко регламентированных действий: постановлений, указаний, санкционирования, утверждения процессуальных действий, дачи согласия на их проведение и т. д.

Для свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых достижение данных процессуальных целей не обязанность, а право. Оно реализуется с помощью их процессуального поведения, которое в отличие от поведения правоприменительных субъектов детально законом не регламентируется, а только предусматривается. Поэтому оно может осуществляться в гораздо более широких рамках по их личному усмотрению и в любых общепринятых формах, таких как жалоба, заявление, ходатайство, замечание, сообщение, уведомление, а также путем ознакомления с отдельными материалами уголовного дела или со всем производством в

полном объеме и пр. На таких же правах и такими же средствами уголовно-процессуальную деятельность могут осуществлять гражданские истцы и ответчики.

Контроль за профессиональным поведением правоприменяющих субъектов со стороны субъектов-носителей идеальных объектов, свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, а также гражданских истцов и ответчиков, не являющихся специалистами в этой области, не всегда может достигнуть цели. Это происходит по разным причинам, в том числе по их юридической некомпетентности, небольшого жизненного опыта, малолетнего возраста, невладения языком судопроизводства, физических и психических недостатков и т. д. Для устранения этих препятствий уголовно-процессуальное право предполагает участие в процессуальной деятельности на стороне этих субъектов таких специальных субъектов, наделенных контрольно-апелляционными правами, как защитник, законный представитель, педагог, переводчик и некоторые другие лица, обеспечивающие законность проведения обысков, выемок, описи имущества и прочих процессуальных действий. Объектом процессуальной деятельности этих субъектов является не только поведение правоприменяющих субъектов, но и “объектное” и “субъектное” поведение субъектов-носителей мыслительных следов, гражданских истцов и ответчиков при непосредственном процессуальном взаимодействии с этим поведением и с его следами при отсутствии такого взаимодействия.

Объектом контрольно-надзорной и контрольно-апелляционной деятельности субъектов являются не только порядок и условия реконструкционной деятельности следователя и органа дознания, но и ее результаты, их относимость и допустимость.

Обобщающим результатом деятельности по овладению следами расследуемого деяния является создание на их основе идеального криминалистически закономерного образа-модели расследуемого деяния прошлого и его квалификация в соответствии с нормами уголовного права. Субъективный образ-модель юридических свойств деяния прошлого есть высшая форма организации следов расследуемого деяния и их про-

цессуальных аналогов. Такая модель как в фокусе объединяет и упорядочивает все причинно-следственные отношения, связывающие расследуемое деяние прошлого и оставленные им в настоящем следы. Благодаря этому следы образуют систему доказательств, придающих субъективному идеально данному образу объективный, однозначный, а значит, и достоверный характер, исключая из него все возможные признаки “субъективизма” и оставляя только “субъектность”, т. е. его принадлежность деятельному субъекту⁶.

Первое процессуальное опредмечивание этой идеальной модели деяния прошлого, квалифицированной по соответствующей статье Уголовного Кодекса, происходит в постановлении о привлечении виновного лица в качестве обвиняемого, которое предъявляется последнему для ознакомления и выражения к нему своего критического отношения. В этом случае данная идеальная или мысленная модель совершенного преступления как результат деятельности следователя или органа дознания выступает по отношению к обвиняемому как объект его процессуальной деятельности. При даче показаний обвиняемым по поводу предъявленного обвинения на первый план выходит уже не “объектное”, а его “субъектное” поведение.

Опредмеченная в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого мысленная модель расследуемого деяния является объектом деятельности и для защитника обвиняемого, его законного представителя, а при ознакомлении с делом по окончании расследования и для потерпевшего, гражданских истцов и ответчиков, их защитников и законных представителей. Данная модель деяния прошлого есть объект деятельности и для правоприменяющих субъектов с контрольно-надзорными полномочиями. Для надзирающего прокурора в наиболее полном и законченном виде она дается в тексте подлежащего утверждению обвинительного заключения, составленного следователем или органом дознания при направлении дела в суд.

Предъявление обвинения означает установление органом расследования состава преступления в действиях виновного лица, предусмотренного диспозицией уголовной нормы. Это влечет за собой применение

санкции данной нормы в виде уголовного наказания. Последнее назначается с учетом данных о личности. В связи с этим с момента появления в деле обвиняемого перед следователем и органом дознания возникает новый объект их процессуальной деятельности - личность обвиняемого. Однако личность как таковая недоступна для непосредственного изучения средствами уголовно-процессуальной деятельности. Поэтому она изучается опосредствованно, через ее поведение при производстве процессуальных действий с ее участием и по следам ее поведения во внепроцессуальных обстоятельствах.

* Дугин А.Т. Объекты и субъекты досудебной уголовно-процессуальной деятельности. Правовед. Межвузовский науч.-мет. сб. НовГУ им. Я. Мудрого, Выпуск №1, с. 101-109.

¹ В связи с этим нельзя признать обоснованными точки зрения авторов, считающих объектом уголовно-процессуальной деятельности деяние прошлого, представляя его в виде "преступления" (Белкин А. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 61), "фактических обстоятельств" и "картины прошлого" (Мотовиловкер Е. Я. К вопросу о предмете уголовно-процессуальной деятельности // Уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты конституционных прав граждан. Калинин. 1980. С. 104-105 и др.).

² В Новгородской области по этим причинам ежегодно обоснованно возбуждается примерно 15-20 % уголовных дел от общего числа возбужденных, впоследствии обоснованно прекращаемых за отсутствием состава или события преступления.

³ Более подробно об идеальных субъективных моделях см.: Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание (перевод с англ.). М., 1988. Протасов В. Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 107-114.

⁴ Этих же субъектов как "носителей информации", как "предмет познавательной деятельности" следователя в начальный момент доказывания выделяет среди участников следственных действий Шейфер А. С. (Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. С. 4: 72-73).

⁵ Протасов В. Н. Правоотношение как система... С. 75.

⁶ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975. С. 56.

МЕХАНИЗМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕЙ И ЧАСТНЫХ ЦЕЛЕЙ ДОСУДЕБНОЙ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.*

Уголовные нормы призваны запрещать под угрозой наказания определенные общественно опасные деяния. Они возлагают на правоохранительные органы обязанность, цель которой найти и в уголовно-процессуальном порядке подвергнуть наказанию от имени государства всякого, кто совершит эти запрещенные деяния¹. Указанная в уголовной норме цель состоит из двух обособленных друг от друга и последовательно связанных частей.

Первая заключена в диспозиции нормы в виде подлежащего установлению запретного деяния, вторая - в ее санкции в качестве наказания, назначаемого за нарушение данного запрета. Важно отметить, что вторая часть цели приобретает значение для уголовно-процессуальной деятельности только после достижения первой части этой цели².

Установление преступного деяния осуществляется посредством обнаружения и преобразования объекта уголовно-процессуальной деятельности - следов расследуемого деяния прошлого³ - путем создания из их криминалистических следоотражающих свойств идеального процессуально-материализованного образа расследуемого деяния во всех его фактических обстоятельствах, указанных в уголовной норме.

Сложный последовательный процесс реализации общей уголовно-правовой цели нуждается в промежуточных, частных процессуальных целях, выделяемых из общей цели и детализирующих ее на разных стадиях расследования. Одни из них требуются для выделения объекта уголовнопроцессуальной деятельности из наличной следосодержащей среды, вторые для выявления его следоотражающих свойств, третьи - для преобразования их в целостный идеальный процессуально материализованный образ расследуемого деяния, четвертые - для идентификации этого образа фактического деяния с нормативным образом в диспозиции статьи Особенной части Уголовного Кодекса.

Общая и частные цели “не изобретаются, не ставятся субъектом произвольно. Они даны в объективных обстоятельствах”⁴. Такими обстоятельствами для общей уголовно-правовой цели служат объективно существующие общественная опасность и противоправность указанного уголовной нормой деяния, а для частных целей - природные причинно-следственные криминалистические связи следов с расследуемым деянием прошлого, а также основанный на уголовно-процессуальных отношениях уголовно-процессуальный порядок деятельности.

Общая уголовно-правовая цель реализуется последовательно, по мере того, как достигаются и суммируются в результатах деятельности входящие в нее частные цели.

Первоначально объект уголовно-процессуальной деятельности является субъекту расследования в форме заявления, сообщения о преступлении и о его следах. В процессе изучения органом расследования отражающих свойств этих следов и их интеллектуального мысленного преобразования в отдельные фрагменты идеального образа расследуемого деяния, общая нормативная цель частично реализуется в этих фрагментах и соответственно ими конкретизируется и индивидуализируется.

В результате частичной реализации в конкретных идеальных формах расследуемого деяния общая уголовно-правовая цель из нереализованного нормативного целого превращается во фрагментарно реализованное идеальное частное, т. е. в частную процессуальную цель. Общая уголовно-правовая цель, сделавшись частной процессуальной целью, наряду с нормативным, уголовноправовым приобретает и фактический процессуальный “объектный” характер, т. к. для достижения нереализованной части общей уголовноправовой цели необходимо обнаружить и соответствующим образом преобразовать недостающую неизвестную часть объекта процессуальной деятельности.

Для обнаружения этой неизвестной части объекта в следосодержащей среде необходимы целенаправленные поиски, механизм которых состоит в следующем.

Для каждого нормативного уголовного деяния криминалистической наукой на опыте прошлых расследований с использованием научных и технических достижений разрабатываются типовые объекты уголовно-процессуальной деятельности, состоящие из типовых следов нормативных уголовных деяний в типовой следосодержащей среде, а также типовые способы обнаружения и преобразования их отражающих свойств в соответствующие идеальные абстрактные образы фактических деяний, называемых версиями⁵. Версии указывают направление расследования, план его проведения и ожидаемый при этом результат. Иными словами, они сами и планы их проверки в виде типовых планов расследования выступают в роли типовых частных целей расследования, придающих всей процессуальной деятельности целесообразный характер.

Типовые версии и планы их проверки конкретизируются и индивидуализируются применительно к достоверным фрагментам идеального образа расследуемого деяния интеллектуально созданным органом расследования из отрывочного следового отражения известной части неполного объекта. Скорректированная по отношению к данным идеальным фрагментам типовая версия логически из них вытекает и их дополняет, превращая достоверный фрагментарный образ деяния в предположительный, вероятный, но полный и целостный. Достоверность частного образа подменяется целостной вероятностью в связи с тем, что версия основывается не только на следовом отражении известной части объекта, как указанная выше фрагментарная часть идеального образа фактического деяния, но еще и на профессиональных знаниях, опыте и навыках субъекта расследования. Практически основанием версии наряду с объектом деятельности становится и ее субъект, представленный в виде субъективно созданной им недостающей до целого части идеального образа расследуемого деяния прошлого.

“Чтобы нечто должно быть сделано, оно должно быть понято и операционально представлено”⁶. Для этого версия, адаптированная к достоверному фрагментарному образу фактического деяния, проецируется на наличную следосодержащую среду. В ограниченной проекции версии

следосодержащей среде предположительно определяется местонахождение неизвестной еще части следов, соответствующих по форме и содержанию проверяемой версии и особенностям среды.

Необходимость практического обнаружения таких следов, представленная в виде реального плана расследования, как раз и представляет максимально конкретные частные цели следственных действий по уголовным делам. Указанный механизм частного слеодообразования называется выдвижением и проверкой версий. Он составляет основу процесса доказывания и планирования расследования по уголовному делу⁷.

Если частная цель в результате подчиненного ей следственного действия (действий) достигается и указанные ею недостающие следы обнаруживаются, то подтвержденная ими версия из вероятного целостного образа расследуемого деяния превращается в достоверный. Это превращение есть результат замены субъектной части основания образа на ранее недостававшую объектную часть.

Если указанные версией следы не обнаруживаются и представленная версией частная цель не достигается, то данная неподтвержденная версия подлежит замене на другую и т. д. Такая замена версий должна осуществляться до тех пор, пока очередная версия не подтвердится и цель не будет достигнута или пока не будут исчерпаны все возможности для выдвижения реальных версий, а значит, и подчиненных им целесообразных процессуальных действий. В последнем случае предварительное расследование приостанавливается либо вообще прекращается за отсутствием события или состава преступления.

По мере подтверждения выдвинутых версий вероятная часть целостного образа расследуемого деяния с субъектным основанием переходит в его достоверную часть с объектным основанием, соответственно увеличивая достоверную и сокращая вероятную часть образа. Сокращение вероятной части образа приводит к сокращению объема уголовно-процессуальной деятельности до тех пор, пока он полностью не иссякнет вследствие полного превращения вероятной части целостного идеального образа в достоверную.

Подтверждение всех необходимо выдвинутых по делу версий означает реализацию всех частных целей расследования, входящих в общую уголовно-правовую цель, указанную в диспозиции уголовной нормы.

Полная и всесторонняя реализация частных целей означает полную и всестороннюю реализацию объединяющей их общей цели. По достижении этого результата дальнейшая целесообразная уголовно-процессуальная деятельность в данном направлении закономерно прекращается из-за отсутствия нереализованных целей. Указанный момент находит внешнее выражение в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, в котором созданный органом расследования идеальный образ деяния прошлого процессуально материализуется и квалифицируется по соответствующей статье Уголовного Кодекса.

В дальнейшем уголовно-процессуальная деятельность осуществляется уже с новыми целями, возникшими как результат реализации предшествующей общей уголовно-правовой цели, указанной в диспозиции уголовной нормы. Одни из них состоят в предварительной досудебной проверке достоверности созданного органом расследования идеального образа деяния прошлого и его квалификации путем предоставления возможностей для выражения критического отношения к этому со стороны обвиняемого и других участников процесса. Другие - заключаются в обнаружении и преобразовании новых следов расследуемого деяния, создании из их следоотражающих свойств идеальных образов таких обстоятельств данного деяния, которые не входят в состав преступления, но являются необходимыми для правильного назначения судом наказания, обозначенного санкцией уголовной нормы. Назначение такого наказания является второй, общей уголовно-правовой целью уголовно-процессуальной деятельности. Ее окончательная реализация входит в исключительную компетенцию судебных органов и является завершающим моментом для всей уголовно-процессуальной деятельности.

* Дугин А.Т. Механизм возникновения и реализации общей и частных целей досудебной уголовно-процессуальной деятельности. // Правовед. Межвузовский науч.-мет. сб. НовГУ им. Я. Мудрого, Новгород, 1998., выпуск №1, с. 109-114.

¹ В этой связи представляет интерес замечание В. Н. Протасова о том, что понятие процессуальной формы (порядка) "охватывает процесс целиком, характеризуя его как средство (форму) реализации иных, материально-правовых отношений" (Правоотношение как система. М. 1991. С. 77).

² Исходя из этого очевидного положения следует признать неточной высказанную в литературе точку зрения, в соответствии с которой целью уголовно-процессуальной деятельности является разрешение вопроса об уголовной ответственности (См., напр.: Мотовиловкер Е. Я. О месте квалификации в уголовно-процессуальной деятельности // Дальнейшее укрепление законности и правопорядка в свете решений XXVI съезда КПСС. М., 1982. С. 191). В действительности эта цель возникает перед уголовно-процессуальной деятельностью только после установления в действиях виновного лица состава преступления, указанного в диспозиции уголовной нормы.

³ Вопрос об объекте уголовно-процессуальной деятельности имеет высокую степень дискуссионноеTM. Таковым, например, считают: доказательства (Давлетов А. А. Непосредственное и опосредственное познание в уголовном судопроизводстве // Проблемы укрепления социалистической законности в уголовном судопроизводстве. Барнаул, 1985. С. 101); предположительно преступные события и поступки людей (Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. с. 10); объективную истину (Якубович Н. А. Теоретические основы предварительного следствия. М., 1971 С. 54) и пр. В настоящей статье под термином *след*, обозначающим объект уголовно-процессуальной деятельности, понимается любой результат изменения материальной обстановки и сознания людей, в той или иной форме отражающий ту часть деяния прошлого, которая непосредственно контактировала с материальной или духовной (мыслительной) следовоспринимающей средой.

⁴ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975. С. 106

⁵ Представляется, что такая трактовка понятия процессуальной версии не противоречит общепринятой точке зрения на версию как на разновидность частной гипотезы, объясняющей "сущность, происхождение и связь отдельных фактов" или следов расследуемого деяния. См. Белкин Р. С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. М., 1993. С. 12.

⁶ Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание (перевод с англ.). М. 1988. С. 126.

⁷ Аналогичным образом механизм выдвижения и проверки криминалистических версий описан Белкиным Р. С. в кн. "Криминалистика. Краткая энциклопедия... С. 13", где обнаружение и преобразование неизвестных еще следов расследуемого деяния терминологически заменено на установление следствий выдвинутых версий, фактов и обстоятельств.

ПРОБЛЕМА ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ.*

Преступление как фактическое деяние не остается долго в наличной действительности. Оно исчезает в прошлом сразу после возникновения в настоящем. Поэтому органы расследования лишены возможности непосредственного изучения преступления с целью привлечения виновных к ответственности. Они вынуждены заниматься этим опосредствованно, по материальным и интеллектуальным следам преступления.

Следы - это окна настоящего, в которые видны фрагменты деяний прошлого. Чем больше открывается таких окон, тем больше данных фрагментов поддается интеллектуальному усмотрению. Подвергая их анализу, можно мысленно, условно вернуть преступление из прошлого в настоящее для изучения, квалификации и назначения наказания преступнику.

Условное, мысленное возвращение преступления из прошлого в настоящее всегда субъективно. Впервые официальная объективация мысленной модели преступления происходит в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. Изложенная в этом документе модель деяния прошлого должна содержать все признаки состава преступления, обоснованные достаточным количеством следов, обнаруженных и приобщенных к делу в качестве доказательств.

Объективность доказательств призвана уравновесить субъективность произведенных из них выводов о преступности деяния прошлого, сделать эти выводы однозначными и одинаково возможными для всех субъектов, ответственных за расследование и судебное рассмотрение уголовного дела. В указанных аспектах вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого - одно из наиболее сложных и ответственных процессуальных действий. Сложность состоит в проверке относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств для предъявления обвинения. Проверка относимости и допустимости доказательств подчинена критериям, указанным в законе. Определение достоверности и достаточности доказательств таких критериев не имеет.

Достоверность и достаточность доказательств характеризуют обоснованность постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Обоснованность обвинения во многих случаях можно определить сопоставлением имеющихся в деле доказательств с системой типовых доказательств разрабатываемых криминалистической наукой и практикой расследования дел данной категории.

В таком сопоставлении нередко можно без особого труда выявить недостатки расследования, проверить законность и своевременность предъявленного обвинения. Однако, несмотря на эффективность данного метода, его нельзя признать универсальным, т. к. он основан на типовых, повторимых признаках, свойствах преступлений, тогда как последние наряду с повторимыми имеют неповторимые, индивидуальные, «одноразовые» признаки, свойства нуждающиеся в доказывании. Возможно, именно это имели в виду С. А. Шейфер и В. А. Лазарева, когда писали, что различная оценка доказанности обвинения органом расследования и судом нередко «объясняется тем, что критерий достаточности доказательств в законе отсутствует, да и не может им определяться»¹. В. З. Лукашевич в свое время замечал по этому поводу, что «всякие попытки дать перечень доказательств, который являлся бы “достаточным” для предъявления обвинения по любому уголовному делу... обречены на неудачу. Каждое уголовное дело индивидуально и обладает только ему свойственными чертами и особенностями. Поэтому нельзя дать в абстрактной форме никакого исчерпывающего перечня и обобщающего определения “достаточности данных” для предъявления обвинения»². Это означает, что субъективность усмотрения при предъявлении обвинения не имеет границ, установленных законом. В таких условиях предъявление обвинения помимо всего прочего попадает в зависимость от внутреннего убеждения правоприменителя. Его содержание в законе также четко не оговорено, что добавляет неопределенности в обеспечение законности, обоснованности предъявленного обвинения.

Что такое внутреннее убеждение? Является ли оно результатом беспристрастной оценки доказательств, логически обоснованным выводом или

только не освещенным мыслью эмоциональным переживанием, возникающим от бессознательного обобщения материалов дела, оперативной информации, поведенческих реакций участников процесса и других лиц, попавших в орбиту следствия, а также от прежнего опыта следователя? Совместимы ли эти две модели внутреннего убеждения? Каким должно быть их соотношение при определении достаточности доказательств для предъявления обвинения и чем должен руководствоваться правоприменитель в случаях их антагонизма? Однозначного ответа на эти вопросы не существует. Нет единого мнения и по профессиональным критериям законности предъявленного обвинения. Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткулин, например, утверждают: «Если учесть, что под обвинением подразумевается совокупность инкриминируемых лицу противоправных общественно-опасных действий, то становится вполне очевидным, что имеющиеся в распоряжении следователя доказательства признаются достаточными для привлечения лица к уголовной ответственности тогда, когда ими устанавливаются те факты, из которых складывается соответствующий состав преступления»³.

Примечательно в этом отношении мнение Л. М. Карнеевой. С одной стороны, она соглашается с указанными авторами и заявляет, что «доказательства могут быть достаточными для привлечения обвинения только в том случае, когда они характеризуют каждый из элементов (сторон) инкриминируемого состава преступления»⁴. С другой, допускает возможность привлечения в качестве обвиняемого по вероятным фактам⁵. Также показательно-противоречиво на этот счет мнение И. Л. Петрухина. «Направлять человека в тюрьму, - пишет он, - без убеждения в его виновности незаконно и неэтично. В то же время следователь должен отдавать себе отчет в том, что следствие еще не закончено, предстоит проверка показаний обвиняемого, не все версии до конца исследованы. Иными словами, даже при заключении обвиняемого под стражу следователь должен допускать возможность опровержения всех или части обвинения»⁶. Как может лицо, ответственное за расследование, заключать обвиняемого под стражу, совмещая два противоположных мнения - убеждение в

виновности подследственного и сознание реальной возможности его реабилитации, как с этим согласуется презумпция невиновности - гарантия прав и свобод граждан на предварительном следствии, И. Л. Петрухин не разъясняет.

Между тем уверенность в возможности вероятного обвинения, основанного на убеждении в неспособности следователей имеющимися в их распоряжении средствами установить истину в необходимом для суда объеме и качестве имеет довольно широкое распространение. И. Л. Петрухин - один из ярких ее представителей. «Конечно, - пишет он, - требование закона устанавливать объективную истину, в частности виновность, адресовано и следственным органам... Но это, если так можно сказать, задача с *намеренным превышением*. Ставя перед следователем такую задачу, законодатель мобилизует его силы на достоверное установление виновности обвиняемого уже в стадии предварительного расследования. Однако тот же законодатель понимает, что в силу ряда причин по некоторому числу уголовных дел виновность обвиняемого не может быть несомненно установлена на предварительном следствии»⁷. В этом утверждении имеется несколько серьезных моментов, которые не должны оставаться без внимания.

Во-первых, утверждается, что законодатель, издавая законы, регламентирующие предварительное следствие, руководствуется двойным стандартом. Один из них реальный в подтексте закона, предназначенный для общества и суда, а другой, в буквальном смысле текста закона, не настоящий, «с намеренным превышением» - для органов предварительного следствия. Определение процессуальных норм как требований с «двойным дном» - опасная затея. Она не только незаслуженно ставит следователей в положение недоумков, которых нужно обманывать, чтобы они лучше работали, но еще и укрепляет веру в существование писанного и неписанного права, необоснованно придает последнему официальный статус, что само по себе уже чревато нарушениями закона.

Во-вторых, если процессуальный закон ставит перед органом расследования заведомо невыполнимую задачу по установлению истины, значит он побуждает его без достаточных оснований предъявлять обвинения,

заключать подследственных под стражу и направлять уголовные дела в суд, в надежде, что такие основания каким-то волшебным образом появятся в суде. В таком понимании закон превращается в безнравственную категорию и не способствует решению задач правосудия. Видимо, сознавая ущербность такой позиции, И. Л. Петрухин вынужден утверждать, что «само привлечение к уголовной ответственности, если его понимать как привлечение в качестве обвиняемого, для невиновного неопасно: оно обеспечивает ему возможность использовать право на защиту и в тоже время само по себе не является мерой принуждения или публичной компрометацией обвиняемого»⁸. Вряд ли стоит надеяться, что такое объяснение «неопасности» недоказанного обвинения способно удовлетворить кого-либо из реабилитированных подследственных, хотя бы короткое время необоснованно содержавшихся под стражей, подвергавшихся унижительным обыскам, освидетельствованиям, опознаниям, допросам в качестве обвиняемых и другим процессуальным действиям, даже если они и проводились с использованием всех его прав на защиту.

В-третьих, двойной стандарт процессуальных норм ведет к утрате критериев обоснованности процессуальных действий, ставит под сомнение необходимость точного соблюдения закона, создает возможности оправдания любых правонарушений сомнительными заповедями неписанного права.

В-четвертых, концепция двойного стандарта, разрешающая предъявление вероятного обвинения, противоречит требованиям закона о достаточности доказательств для предъявления обвинения. Если доказательства, способные по своей природе дать достоверное, однозначное знание, дают лишь вероятное, неоднозначное знание, хотя бы по одному из признаков инкриминируемого состава преступления, то недостаточность их для предъявления обвинения очевидна. Поэтому прав В. З. Лукашевич, утверждая, что «законным и обоснованным привлечение к уголовной ответственности будет лишь в тех случаях, когда следователь, а также лицо производящее дознание на основе собранных и проверенных доказательств достоверно установят, докажут наличие конкретного состава преступления в действиях или бездействии обвиняемого, а также отсутствие обстоятельств,

препятствующих прекращению уголовного дела»⁹. Нельзя в этой связи не согласиться и с мнением М. А. Ковалева, который считает, что «иной подход... к оценке вопроса о законности предъявленного обвинения на основе предположения, сомнительных фактов не может обеспечить ни соблюдение... законности, ни защиту прав граждан от возможных нарушений»¹⁰. То же самое утверждает и М. Е. Токарева: «Постановление о привлечении в качестве обвиняемого должно включать в себя только доказанные факты»¹¹. К этому стоит добавить, что предъявление обвинения в условиях, когда не до конца проверены другие альтернативные версии преступления, когда нет твердой уверенности в виновности обвиняемого и допускается реальная возможность его реабилитации является антигуманным действием. Оно не может отвечать ни задачам уголовного судопроизводства, ни презумпции невиновности, ни морально-этическим нормам. Такое обвинение неизбежно носит необоснованный предвзятый характер, что противоречит требованиям всесторонности, полноты и объективности расследования.

Если следователь сознает и допускает возможность опровержения изобличающих подследственного фактов, то он по долгу службы не вправе иметь убеждение в его виновности. В этом случае сомневаться в достаточности доказательств для предъявления обвинения есть его прямая служебная обязанность. Разрешать эти сомнения он должен до предъявления обвинения получением новых фактов, с помощью которых можно было бы неопровержимо доказать виновность или невиновность подследственного. Искключение вероятных фактов, превращение их в достоверные - стратегическая задача и цель любого расследования. Предварительное следствие не терпит приблизительности. Его окончательные выводы должны быть максимально точными, конкретными, категоричными. Поэтому все неустранимо сомнительное, предположительное, не вполне доказанное подлежит обязательному исключению из обвинения.

Исходя из изложенного, необходимость рассмотрения судом уголовных дел объясняется не вероятностью предъявленного обвинения и не надуманной неспособностью органов предварительного следствия ра-

зобратся в доказательства, правильно оценить обоснованность предъявленного обвинения, она состоит в том, чтобы публично проверить выводы предварительного следствия, придать им тем самым общественное признание и значимость, а также назначить виновному лицу наказание в соответствии с содеянным.

* Дугин А. Т. Проблема законности и обоснованности предъявления обвинения. // Правовед. Межвузовский науч.-мет. сб. НовГУ им. Я. Мудрого, выпуск №3, Великий Новгород, 2001., с. 111-116.

¹ Шейфер С. А., Лазарева В. А. Основания оправдания и внутреннее убеждение следователя и суда // Уголовная ответственность. Основания и порядок реализации. Самара, 1990. С. 155

² Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Л., 1959. С. 19.

³ Жогин Н. В., Фаткулин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 185.

⁴ Карнеева Л. М. Привлечение в качестве обвиняемого. М., 1962. С. 5.

⁵ Карнеева Л. М., Статкус В. Ф. Предъявление обвинения. М., 1973. С. 32.

⁶ Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 170

⁷ Петрухин И. Л. Презумпция невиновности и вопросы доказывания на предварительном следствии // Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1990. С. 87.

⁸ Там же. С. 87.

⁹ Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985. С. 72.

¹⁰ Ковалев М. А. Прокурорский надзор за обеспечением прав личности при расследовании преступлений. М., 1981. С. 112.

¹¹ Соловьев А. Б., Токарева М. Е., Хабиулин А. Г. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений. М., 2000. С. 135.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОЗИТИВНАЯ И НЕГАТИВНАЯ, ЛИЧНАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ, ПРАВОВАЯ И УГОЛОВНАЯ.

Исполняя требования социальных и правовых норм люди непосредственно тратят свои жизненные ресурсы не на себя лично, а на других людей, общество и государство. Последние, в соответствии с данными нормами, возвращают долги, расходуя имеющиеся у них ресурсы. Такой порядок общественных отношений доказал свою эффективность и на протяжении веков нормативно совершенствовался. Вследствие этого социальные и правовые нормы превратились в копилку положительного опыта и в механизм его продвижения из прошлого в настоящее и будущее. Известный исследователь психологии социальных норм М.И. Бобнева на большом фактическом материале показала, что «люди обычно испытывают побуждение осуществлять нормативное поведение, следовать тем или иным социальным нормам и представлять другим участникам ситуации свое поведение как нормативное и нормативно обусловленное»³⁶⁵. Учитывая это, социальные и правовые нормы стали использоваться в качестве универсального средства оценки прошлого, настоящего и предстоящего поведения как индивидуальных, так и общественных субъектов. Они превратились в образцы, стандарты, меры потребного поведения, понуждающие к безусловному им подчинению. Подчиняя, данные нормы наделяют субъектов ответственностью за правильное их применение. При этом, надлежащее исполнение указанных в них требований характеризует позитивную ответственность, а ненадлежащее - негативную ответственность.

Позитивная ответственность формирует соответствующее, отношение к надлежащему исполнению социальных и правовых норм. Она наполняет индивидуальных субъектов «чувством гордости, высокой самооценкой, самоуважением, уверенностью в правильности своих действий».³⁶⁶ Такое

* Дугин А.Т. Ответственность: Позитивная и негативная, личная, социальная, правовая и уголовная. // Международная науч.-прак. конференция «Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики. СПб, 2008., с. 246-248.

отношение мотивирует к соблюдению нормативных предписаний, определяет настоящее и будущее потребное поведение ответственных субъектов.

Негативная ответственность представляет другое отношение к содеянному. Оно выражается в неприятных чувствах от мимолетного сожаления до неотступных мук совести и может иметь интеллектуальное сопровождение, варьирующее, соответственно чувствам, от поверхностного мысленного самоосуждения, до глубокого раскаяния. Последнее способно побуждать индивидуальных субъектов к так называемому деятельному раскаянию - инициативному нормативному поведению, ориентированному на заглаживание вреда от ненадлежащего исполнения правовых норм. В Уголовном Кодексе РФ такое поведение регламентировано специальной ст. 75 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием».

Общество и государство, как целостные коллективные субъекты, заинтересованы в надлежащем исполнении социальных и правовых норм действующими в их составах индивидуальными субъектами. Поэтому они доступными им способами поддерживают существование как позитивной, так и негативной ответственности индивидов при осуществлении ими нормативного поведения. В рамках позитивной ответственности общество и государство оказывают им поддержку, проявляющуюся в публичных знаках уважения, в поощрении за неукоснительное соблюдение нормативных предписаний, в повышении их социального статуса. В рамках негативной ответственности за нарушение указанных норм общество и государство принимают меры к снижению социального статуса нарушителей, их публичному осуждению, внешнему принуждению к заглаживанию причиненного вреда, восстановлению социальной справедливости и предупреждению тем самым новых нарушений нормативных установлений.

Такая деятельность общества и государства по отношению к нарушителям социальных и правовых норм необходима в связи с тем, что далеко не все они способны на самостоятельное деятельное раскаяние. Согласно выводам М.И. Бобневой собственной мотивационной системы

личности во многих случаях «недостаточно для обеспечения следования нормам - необходимо привлечение вырабатываемых обществом средств внешнего принуждения и побуждения»³⁶⁷.

Такие средства применяются не по произволу, а в соответствии со сложившимися в опыте нормами поведения. Последние образуют обобщенное, типовое содержание внешней публичной ответственности индивидуальных субъектов перед другими людьми, обществом и государством. Мысленная адаптация нормативных установлений к конкретным нарушениям превращает нормативную сторону негативной ответственности в субъективную её сторону. Последняя реализуется в фактическом поведении общества и государства по отношению к нарушителям социальных и правовых норм. Эта фактическая реализация нормативной и субъективной сторон ответственности в конкретном фактическом поведении других людей, общества и государства представляет объективную сторону внешней, публичной ответственности.

Облечённая государством в правовые формы такая ответственность принимает вид юридической ответственности. Последняя, в своих нормативной, субъективной и объективной сторонах, воспроизводится государством, обладающим по отношению к нарушителям правовых норм непререкаемой юридической силой. Таким образом, юридическая ответственность есть поведение или деятельность государства, совершаемая в ответ на нарушение или исполнение установленных им правовых норм. Правонарушители в ней являются объектами, а государство - субъектом. Относительно объектов данная деятельность является наказанием, а относительно субъектов - ответственностью. Ответственность производит субъект, а потребляют её как наказание объекты-нарушители. Но в обоих случаях это одна и та же юридическая деятельность с её нормативной, субъективной и объективной сторонами.

Уголовная ответственность и наказание есть разновидность юридической ответственности. Её нормативная сторона - это санкция уголовной нормы. Субъективная сторона, адаптированная к конкретному правонарушению, - это резолютивная часть обвинительного приговора.

Объективная сторона - это конкретная уголовно-исполнительная деятельность государства, осуществляемая им в соответствии с обвинительным приговором.

Данные стороны уголовной ответственности и наказания реализуются не ради них самих, а исключительно для достижения целей, изложенных в ч.2 ст.43 УК РФ. Поэтому, если они реализуются на нормативном уровне уголовной ответственности и наказания, то юридически предписанная деятельность прекращается уже на досудебной стадии процесса по основаниям, изложенным в гл. 11 УК РФ; озаглавленной как «Освобождение от уголовной ответственности». Если указанные цели достигаются в момент вынесения обвинительного приговора или в процессе его фактического исполнения, то есть при появлении субъективной или объективной стороны уголовной ответственности и наказания, то образующая их деятельность прекращается либо сразу после вступления приговора в законную силу, либо в процессе его реального исполнения по основаниям, указанным в гл. 12 УК РФ, названной «Освобождение от наказания».

В отмеченных главах Уголовного Кодекса уголовная ответственность и наказание не выступают как самостоятельные, независимые друг от друга явления. Напротив, они находятся в неразрывном единстве и представляют одну и ту же юридическую деятельность. Только относительно субъекта, каковым является государство, она обозначается как уголовная ответственность, а по отношению к объектам, каковых представляют правонарушители, она выступает в виде их наказания за содеянное³⁶⁸.

³⁶⁵ Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978. С. 128.

³⁶⁶ Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978. С. 306-306.

³⁶⁷ Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978. С. 110.

³⁶⁸ В научной литературе по уголовному праву, а также по философии понятия наказа уголовной ответственности являются одними из наиболее спорных. См. например. Бехверов А. Г., Жуков А. В. Теории наказания. Самара, 2001; Кропачев Н. М., Прохоров В. С. Механизм правового регулирования: Уголовная ответственность. СПб., 2000; Становский М. Н. О соотношении уголовной ответственности и наказания. Сб. науч. трудов под ред. проф. Лопашенко Н.А. Уголовная политика и проблема противодействия современной преступности. Саратов. 2006. С.138 -142.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.*

«Поведение, — писал известный швейцарский психолог Жан Пиаже, — есть особый случай обмена (взаимодействия) между внешним миром и субъектом»¹. Физиологически это означает, что субъекты инициативно взаимодействуют с объектами ради удовлетворения своих потребностей. При этом они, воздействуя на объекты, изменяют их в соответствии со своей структурой. Отвечая на это объекты, в свою очередь, воздействуют на субъектов и также изменяют их в соответствии со своей структурой, удовлетворяя тем самым, имеющиеся у них потребности.

Ответные воздействия объектов являются следствием или результатом оказанных на них субъектных воздействий. Поэтому, в индивидуальном поведении они представляются субъектам непосредственной ответственностью за их предшествующие воздействия на объекты, которые, в свою очередь, являются основанием этой ответственности. В объектных воздействиях, основанных на предшествующих субъектных воздействиях, субъекты и объекты меняются местами. Объекты из пассивных партнеров по взаимодействию в субъектных воздействиях превращаются в активных партнеров в объектных воздействиях. Субъекты же, напротив, из активных партнеров в их собственных воздействиях на объекты преобразуются в пассивных партнеров в ответных объектных воздействиях. В этом последнем своем качестве субъекты оказываются уже не производителями, а потребителями воздействий тех объектов на которые они сами до этого инициативно совершили свои собственные субъектные воздействия.

Если ответные воздействия объектов удовлетворяют потребностям субъектов, то тогда они представляют для них позитивную, то есть полезную ответственность. Если же эти воздействия не приносят удовлетворения пот

* Дугин А. Т. Понятие и виды ответственности. // Российская юстиция №9, М., 2009., с. 21-22.

ребностей, то тогда они являют субъектам негативную, то есть вредную для них ответственность.

Поскольку инициатива в воздействиях на объекты оборачивается для субъектов либо пользой, либо вредом, то это в обязательном порядке должно учитываться в этих воздействиях. Субъектные воздействия на объекты, осуществленные с предварительным учетом последующих на них ответных объектных воздействий на субъектов, представляют ответственное поведение субъектов. Объектные воздействия в ответ на такое поведение, как правило, приносят субъектам пользу. Такая польза, выраженная в удовлетворении имеющихся потребностей, в улучшении наличного существования субъектов, воспринимается ими как награда за свое поведение.

Субъектные воздействия на объекты, исполненные без учета ответных объектных воздействий, означают безответственность поведения субъектов. В ответ на такое поведение обратные объектные воздействия, как правило, приносят субъектам вред. Такой вред, выраженный в неудовлетворении имеющихся потребностей, в ухудшении наличного существования субъектов, воспринимается ими как наказание за безответственность своего поведения.

Ответственное потребное поведение возможно лишь в условиях предвидения обратных воздействий объектов в ответ на предстоящие субъектные воздействия на эти объекты в рамках данного потребного поведения. Такое предвидение содержится в нормативно-следовых идеальных отражениях прошлого сходного поведения, хранящихся в нервных центрах субъектов этого поведения. В актуальном состоянии данные отражения даются субъектами с опережением или предвосхищением их фактического воспроизводства в наличной внешней среде. Если опережающие отражения обратных воздействий объектов обещают награды в ответ на готовящиеся субъектные воздействия на эти объекты, то тогда они стимулируют фактические воздействия субъектов на объекты, превращаясь тем самым в психическую причину поведения субъектов или в его мотив. Если же данные отражения грозят наказаниями за предстоящие субъектные воздействия на объекты, то тогда они тормозят фактическое воспроизводство

этих воздействий либо вообще становятся для них непреодолимой идеальной преградой. В таких случаях они играют роль внутренних нормативных запретов на данное поведение, утратившее для субъектов необходимые им потребные свойства.

В социально значимом поведении, направленном на объекты, представляющие потребный интерес и для других членов социума, потребные взаимодействия обычно не ограничиваются одним субъектом и одним объектом. Их участниками становятся и другие заинтересованные субъекты, которые в этих случаях направляют свое поведение на субъектов, непосредственно воздействующих на социально значимые объекты.

Если взаимодействия с такими объектами оказываются полезными для других субъектов, то они оказывают их производителям свою поддержку, повышают их социальный статус, оказывают им публичные знаки внимания и уважения, а также активно участвуют в их материальном и физическом жизнеобеспечении. Такое ответное поведение других субъектов представляет собой обусловленную общественной моралью позитивную, публичную ответственность субъектов-производителей социально значимого поведения, состоящего из общественно полезных взаимодействий с объектами, способными удовлетворять потребности социума. Она наполняет субъектов таких взаимодействий чувством гордости за свое поведение, высокой самооценкой, самоуважением и уверенностью в правильности своих действий.

Если взаимодействия с социально значимыми объектами оказываются вредными для других субъектов, то они принимают меры к снижению социального статуса производителей общественно вредных взаимодействий, осуждают их, принуждают к заглаживанию причиненного вреда, восстановлению социальной справедливости и предупреждению новых сходных общественно вредных проявлений. Такое ответное поведение других субъектов представляет для субъектов социально вредного поведения обусловленную моралью негативную публичную ответственность. Она побуждает к прекращению антисоциального поведения и к устранению вреда нанесенного обществу.

Когда обязанности публичной ответственности за социально значимое поведение берет на себя государство, то оно, организуя свою деятельность, облакает эту ответственность и ее основания в нормативно-правовые формы. Последние служат юридически выраженными идеальными, типовыми эталонами, образцами, сценариями данной ответственности за данное поведение. Ввиду нормативности они содержат в себе одни только сходно повторяемые, значимые для государства и общества признаки ответственности и ее основания и поэтому носят сильно усеченный, фрагментарный характер, не включающий в свои составы особенные, неповторимые и многие повторяемые, типовые признаки.

Нормативно-правовые ответственность и ее основания группируются в отрасли права. Позитивная ответственность и ее основания — в нормах так называемых «позитивных отраслей права», негативная ответственность и ее основания — в нормах негативных отраслей права. Одной из отраслей негативного права является уголовное право. Уголовно-правовая ответственность и ее основания прямо указаны в статьях Особенной части Уголовного кодекса: основания — в диспозициях этих статей, ответственность — в их санкциях. Из-за существенной неполноты и отрывочности указанных в них признаков они не могут функционировать самостоятельно. Для этого диспозиции и санкции нуждаются в адаптации к фактически совершенному общественно вредному, опасному поведению. Адаптация диспозиции состоит в квалификации фактически содеянного по соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса. Адаптация санкции сводится к назначению в обвинительном приговоре суда конкретного наказания за фактически совершенное преступление в рамках санкции данной статьи Уголовного кодекса. Оно является идеальным конкретным планом, образцом предстоящего фактического исполнения ответственности государством в соответствии с нормами уголовно-исполнительного права.

Таким образом, уголовная ответственность представляет собой предусмотренную нормами права деятельность государства, совершаемую в ответ на нормативно запрещенное им общественно вредное, опасное

поведение индивидуальных и групповых субъектов, удовлетворяющих свои потребности в ущерб другим членам социума. В данной деятельности производители общественно вредного, опасного поведения из субъектов превращаются в объекты уголовно-правовой активности государства. Они становятся потребителями этой деятельности, воспринимая ее как наказание за свои правонарушения. Таким образом, уголовные ответственность и наказание представляют одну и ту же уголовно-правовую деятельность, в которой государство является субъектом, а преступники — ее объектом. Государство есть производитель данной деятельности, а конкретный преступник — ее потребитель.

Как и всякая нормативно-правовая деятельность уголовные ответственность и наказание имеют нормативную, субъективную и объективную стороны. Нормативная сторона и ее нормативные основания изложены в статьях Уголовного кодекса. Субъективная сторона — это нормативная сторона, приспособленная к конкретному преступлению, заключена в резолютивной части обвинительного приговора, вступившего в законную силу. Объективная сторона реализуется в фактическом исполнении приговора соответствующими государственными органами по нормам уголовно-исполнительного права.

Данные стороны уголовной ответственности и наказания существуют не ради самих себя, а исключительно для достижения целей, указанных в ч. II ст. 43 УК РФ: восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Поэтому, если эти цели достигаются уже на уровне квалификации совершенного преступления, то указанная уголовно-правовая деятельность государства прекращается еще на досудебной стадии уголовного процесса по основаниям, предусмотренным в гл. 11 УК РФ, озаглавленной как «Освобождение от уголовной ответственности». Если указанные цели реализуются в момент или после вынесения обвинительного приговора суда, но до полного отбытия наказания, то данная деятельность может быть прекращена по основаниям гл. 12 УК РФ, названной «Освобождение от наказания».

В отмеченных главах Уголовного кодекса понятия уголовной ответственности и наказания не выступают как обозначения самостоятельных, независимых друг от друга явлений. Напротив, они представляют одно и то же явление но на разных стадиях его развития. В целом оно именуется уголовно-правовой деятельностью. В ней государство выполняет функции субъекта, а преступники — функции объекта.

В специальной литературе по философии² и уголовному праву³ понятия уголовной ответственности и наказания являются одними из наиболее спорных⁴. Однако те из рассматриваемых точек зрения, которые отождествляют эти понятия, рассматривая их как отражение одного и того же явления, наиболее близки к изложенной выше позиции.

¹ Пиаже Ж. Психология интеллекта. М., СПб., Н.Новгород, Воронеж и др. 2003. С. 7.

² См. напр.: А.Г. Безверхое, А.В. Жуков. Теории наказания, (в истории философской мысли). Самара, 2001.

³ Одним из последних анализов спорных понятий в специальной литературе по уголовному праву приводится в статье: Становский М.Н. К вопросу о понятии и формах реализации уголовной ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. № 4. Саратов, М., 2005. С. 128—138.

⁴ Так например: Н.М. Кропачев и В.С. Прохоров правильно отмечают, что «санкция уголовно-правовой нормы определенного вида (т.е. наказание в его нормативно-правовой форме. — А.Д.) выполняет функцию «состава уголовной ответственности преступления, определенного вида»; Кропачев Н.М., Прохоров В.С. Механизмы уголовно-правового регулирования: уголовная ответственность. СПб., 2000. С. 34.

Проблема основания уголовной ответственности.*

Статья 8 Уголовного кодекса РФ определяет основание уголовной ответственности как совокупность двух наличных частей: фактической - «совершение деяния» и юридической — «все признаки состава преступления» в данном деянии.

Не вызывает сомнения, что фактическая и юридическая части основания в их нерушимом единстве и целостности должны реально существовать и функционировать не только в период установления и исполнения уголовной ответственности, но и после ее реализации. В последнем случае наличие и применения данной ответственности и препятствуют тем самым ее произвольному оспариванию, а с другой — обеспечивают потенциальную возможность реабилитации лиц, подвергнутых ей, при непредвиденном появлении соответствующих обстоятельств.

Между тем отмеченные обязательные требования к основанию уголовной ответственности оказываются невыполнимыми, если под его фактической частью понимать такое предписанное ст. 8 УК РФ явление, как «совершение деяния». В данной формулировке оно означает процесс, протекающий в реальном времени. Из реального же времени деяние исчезает в прошлое по мере своего совершения в настоящем, т.е. практически в тот же самый момент, в который оно в нем и возникает. Это очевидное обстоятельство однозначно показывает, что в более поздний период установления и привлечения виновных к уголовной ответственности «совершение деяния» как явления, предусмотренного уголовным законом, уже не существует. К этому времени оно пребывает в безвозвратном и непосредственно недоступном прошлом. Следовательно, в настоящем в качестве фактической части основания уголовной ответственности оно принято быть не может. Ведь то, что принадлежит прошлому, в настоящем не существует, не функционирует и поэтому на роль фактического основания не пригодно. В этой связи уместно привести замечание И.Я. Козаченко: «Если нет основания уголовной ответственности, не может стоять и вопрос об освобождении от нее, ибо освободить от того, что не существует, невозможно. Более того, если нет основания уголовной ответственности, то вообще нельзя вести речь о привлечении к ней»¹.

Необходимо также отметить, что для исполнения этой роли деяние, содержащее состав преступления, ни при каких условиях не может быть повторно реально воспроизведено в настоящем. Отсюда также становится ясным, что без наличного существования фактической части основания не может функционировать и его юридическая часть - состав преступления².

Исходя из изложенного следует сделать вывод, что ст. 8 УК РФ не отражает объективно действующее основание, которое фактически инициирует и поддерживает уголовную ответственность на всех этапах ее осуществления, обеспечивает соблюдение конституционных прав и свобод граждан, а также функционирует в последующем неопределенно долгом времени, подтверждая законный характер ответственности и сохраняя потенциальную возможность реабилитации привлеченных к ней лиц. Если действующий закон не отражает фактическую часть основания уголовной ответственности, способную реально пребывать и функционировать в наличной действительности так долго, как этого требуют задачи уголовного судопроизводства, конституционные права и свободы граждан, то из чего же следует исходить, чтобы исправить это положение?

Для этого, нужно обратить внимание прежде всего на следы, которые деяние оставляет в среде своего совершения³. В значительной части они не исчезают из реального времени подобно деянию сразу после возникновения, а продолжают оставаться в настоящем и отражать деяние прошлого своими признаками. Однако эти признаки в их изначальной, естественной форме не могут непосредственно использоваться в качестве фактического основания уголовной ответственности по целому ряду причин, которые в основном сводятся к следующему.

Следовые признаки деяния прошлого в настоящем имеют две неразрывные ипостаси. Первая представляет фактические изменения среды, возникающие под воздействием совершаемого в ней деяния. Вторая — отражение в этих изменениях данного деяния. При этом важно отметить, что существующие между ними взаимосвязи неоднозначны. Р.С. Белкин пишет, что любое событие преступления необходимо отражается в окружающей среде. Данное отражение представлено в изменениях среды, которые как

результат отражения есть информация о преступлении, т.е. «те самые фактические данные, с помощью которых только и можно судить о событии преступления»⁴.

Отдельно взятые сходные следовые изменения среды могут содержать разные следовые отражения совершенных в прошлом деяний. Например, сходные следы крови на месте происшествия могут возникать как от преступных, так и от не преступных деяний прошлого. Это означает, что отдельно взятые фрагменты следовых отражений разных деяний прошлого в настоящем могут содержаться в отдельно взятых сходных следовых изменениях среды. В результате создается объективная предпосылка ошибочного восприятия следа одного деяния прошлого как следа от другого деяния прошлого.

Возможность указанной ошибки этим не исчерпывается. Деяние прошлого оставляет в настоящем определенную множественность следов, каждый из которых отражает его не всесторонне, полно и целостно, а напротив, фрагментарно, изолированно и с какой-то одной, чаще не самой существенной, стороны. Поэтому целостность, всесторонность и полноту отражения деяния прошлого, общие юридические границы которого задаются составом преступления, может дать только совокупность следов. Размеры или объемы таких совокупностей и их качественные характеристики у каждого конкретного деяния прошлого во многом индивидуальны. Они лишь частично поддаются обобщению и стандартизации (типизации) и не имеют поэтому заранее установленной силы, что значительно усложняет следовое, т.е. опосредованное, восприятие деяния. Это вносит в организацию данного восприятия необходимость проявления определенных творческих способностей, развить которые удастся далеко не всегда и не каждому в процессе профессиональной подготовки.

Обычно совокупности следов деяния прошлого в следосодержащей среде настоящего далеко не очевидны, не упорядочены и не лежат на поверхности. Чаще они разрозненны, фрагментарны и к тому же перемешаны со сходными следами такого же примерно качества от других деяний прошлого. К этому следует добавить нередкие факты фальсификации и

сокрытия следов заинтересованными лицами, а также вольной или невольной неправильной интерпретации нечетких, неясных, искаженных следовых отражений деяний прошлого. Риск подобной ненадлежащей интерпретации многократно повышается в случаях предвзятого либо неквалифицированного ведения предварительного или судебного следствия, особенно, когда оно сопровождается необоснованным принуждением участников уголовного процесса к определенному, заранее заданному поведению.

Преодоление этих трудностей требует свободного и непредвзятого применения специальных познаний в обнаружении следов посредством выдвижения и проверки криминалистических версий, правильного изъятия обнаруженных следов и процессуального закрепления их в материалах уголовного дела в качестве доказательств. Кроме того, дефицитность, разрозненность, зачастую плохое качество следового материала и несомого им отражения деяния прошлого требуют его профессиональной интеллектуальной обработки и немалого житейского опыта.

Идеальное (мысленное) воспроизведение деяния прошлого в настоящем и последующее документально объективированное его использование в качестве фактического основания уголовной ответственности нуждается в квалификации по соответствующим статьям Уголовного кодекса. Впервые в наиболее полной форме это происходит в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Естественно, что составление такого важного процессуального документа и дальнейшая его реализация в рамках уголовного процесса также требуют, надлежащей специальной подготовки и развитой общей способности к абстрактному, логическому мышлению.

Наряду с этим следует иметь в виду, что идеально восстановленное, процессуально закрепленное и юридически квалифицированное отражение деяния прошлого никогда нельзя непосредственно сравнить с реальным деянием, имевшим когда-то место в действительности, для того, чтобы доподлинно убедиться в его правильной мысленной реконструкции. Такой возможности лишены даже подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие и свидетели, непосредственно воспринимавшие деяние прошлого в момент его совершения, так как они делали это с какой-то одной его стороны и

вследствие этого имеют о нем одностороннее, а значит, и субъективное представление.

Принципиальная, объективная невозможность непосредственного сравнения мысленной реконструкции деяния прошлого с его фактическим прототипом сама по себе создает неустранимую до конца вероятность ошибки как в фактическом содержании указанной реконструкции, так и в ее квалификации по статьям Уголовного кодекса со всеми вытекающими отсюда последствиями⁵. И с этим ровно ничего нельзя сделать. От этой вероятности не спасла бы даже машина времени, будь она у участников процесса. Ведь и в этом случае каждый из наблюдателей реального деяния воспринимал бы его с какой-то одной стороны, и это одностороннее восприятие оказывалось бы в их сознании доминирующим, лишаящим объективного о нем представления. Поэтому, чтобы свести данную вероятность к минимуму, процесс идеальной реконструкции жестко регламентирован законом, многоступенчат, в значительной части публичен и проверяем, особенно на его завершающих стадиях.

По всем указанным причинам созданная вне или за рамками закона мысленная реконструкция деяния прошлого не может быть принята за фактическую основу уголовной ответственности. В противном случае исчезли бы и те неполные, хотя и очень существенные, гарантии обоснованности привлечения к уголовной ответственности, которые способны создать неукоснительное соблюдение требований Уголовного, Уголовно-процессуального кодексов и Конституции РФ.

Руководствуясь приведенными доводами, следует заключить, что фактическое основание уголовной ответственности образуют не только материальные и идеальные (мысленные) следы деяния прошлого, но еще и специальная деятельность по их обнаружению, изъятию и процессуальному закреплению, а также житейский опыт и интеллектуальные способности участников процесса, принимавших участие в мысленной реконструкции (моделировании) этого деяния, а также общественный опыт прошлых поколений людей, кристаллизованный в накопленных научных знаниях, следственной,

судебной практике, требованиях Уголовного, Уголовно-процессуального кодексов и Конституции РФ.

Однако обусловленная всеми этими признаками уголовно-процессуальная деятельность так же, как и общественно опасное противоправное деяние, существует и происходит в реальном времени и, следовательно, исчезает из него в прошлое по мере своего осуществления. Ввиду этого она, так же как и преступное деяние, не может служить основанием для уголовной ответственности. Таковым следует считать специально создаваемое документальное отражение данной деятельности, воплощенное в материалах уголовного дела. Его квинтэссенцию представляет обвинительный приговор, вступивший в законную силу.

Материалы уголовного дела, благодаря предъявляемым к ним требованиям материального и процессуального закона, системно, всесторонне и полно отражают совершенное в прошлом деяние, содержащее состав преступления. Это отражение находится в наличной действительности, в материалах уголовного дела, в настоящем времени столько, сколько этого требуют задачи уголовного судопроизводства. Именно оно реально функционирует, когда подсудимому назначают наказание, когда осужденный его отбывает или когда возникает необходимость проверить обоснованность и законность этого наказания.

С учетом сказанного можно предложить следующую редакцию ст. 8 УК РФ: «Основанием уголовной ответственности являются отвечающие требованиям закона обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу, и другие, соответствующие ему материалы уголовного дела».

Поскольку законом предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, на досудебных стадиях процесса, то для таких случаев следует предусмотреть отдельную статью УК РФ — 8-1 «Основание освобождения от уголовной ответственности». Она могла бы иметь такое содержание: «Основанием освобождения от уголовной ответственности являются отвечающие требованиям закона постановления соответствующих органов о прекращении уголовного дела и отказе в возбуждении уголовного дела с

признанием в действиях виновных лиц состава преступления и другие соответствующие этим постановлениям процессуальные документы».

* Дугин А.Т. Проблема основания уголовной ответственности. // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов-Москва, № 4 (21). 2005., с. 123-127.

¹ Козаченко И.Я. Проблемы реализации уголовной ответственности в материальном и процессуальном праве // Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права России: теория и практика. Екатеринбург, 2004. Ч. 1. С. 42.

²Подробнее об этом см.: Дугин А. Т. Основания и виды уголовного правоотношения // Правовед: Межвузовский научный сборник. Великий Новгород, 1998. С. 94—100.

³ Словами известного ученого-криминалиста Р.С. Белкина нужно отметить, что «элементами среды являются не только вещи, предметы, но и люди, в чьем сознании отражается событие преступления». (Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М., 1987. С. 253).

⁴ См.: Белкин Р.С. Указ.соч. С. 62

⁵ Поэтому нельзя согласиться с категоричностью и однозначностью утверждения И.Я. Козаченко о том, что «вынесение судом оправдательного приговора — это всегда свидетельство профессиональной некомпетентности следственных органов». (Козаченко И.Я. Указ. соч. Ч. 1. С. 42).

Уголовная ответственность и ее основание.*

Уголовное право – наиболее древняя часть права. Корни предписанной ею ответственности и наказания восходят к первобытным табу. Пренебрежение ими каралось смертью или изгнанием, не оставлявшим шансов на одиночное выживание.

Несмотря на многовековую практику уголовной ответственности и наказания их понятия все ещё остаются проблематичными как для философов так и для юристов¹. Однако, в любом случае краеугольным камнем этих понятий являются основанные на прежнем социальном опыте уголовные нормы, представляющие типовое описание повторяющегося поведения двух субъектов – преступника и государства. Поведение преступника излагается в диспозиции уголовной нормы, а ответное поведение государства – в её санкции. Соответственно, первый вид поведения называется преступлением, второй – уголовной ответственностью или наказанием. Чтобы понять содержание и взаимосвязь этих видов поведения надо рассматривать их не только изнутри, но и снаружи, то есть с позиции для них более общих.

Такой позицией является понятие сознательного поведения как индивидуального, личного, так и коллективного, общественного. При этом, за исходное положение следует принять высказывание крупнейшего мыслителя XX века Эриха Фромма о том, «что верно для индивида, то верно и для общества»². Отсюда следует, что структуры индивидуального и

*Дугин А.Т. Уголовная ответственность и ее основание. //Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны личности. Сб. статей межд. науч.-практич. конференции. Великий Новгород, 2008., с. 47-55.

¹ В начале прошлого века Сергиевский Н. Д. по вопросам наказания насчитал 24 полные философские системы и около ста отдельных теорий разных криминалистов, примыкавших в общем к одному или другому направлению. Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. СПб., 1908. с. 65.

По заключению Бехверова А. Г. и Жукова А. В. ни один другой вопрос уголовного права не имеет большего числа философских теорий. Бехверов А. Г., Жуков А. В. Теории наказания. Самара, 2001 г. с. 6. О современных теориях уголовной ответственности и наказания см., например, Кропачев Н. М., Прохоров В. С. Механизм уголовно-правового регулирования: Уголовная ответственность. СПб., 2000., Становский М. Н. К вопросу о понятиях и формах реализации уголовной ответственности// Правовая политика и правовая жизнь. № 4, Саратов, М., 2005 г. с. 128-138; Становский М. Н. О соотношении уголовной ответственности и наказания. сб. науч. трудов под ред. проф. Лопашенко Н. А. Уголовная политика и проблемы противодействия современной преступности. Саратов. 2006., с. 136-142

² Фромм Э. Революция надежды. М., 2006., с. 37.

общественного поведения одинаковы в том смысле, что состоят они из нормативной, субъективной и объективной стороны³.

Нормативная сторона представляет общие, повторяющиеся признаки прошлого сходного поведения, при помощи которого субъекты удовлетворяли прошлые сходные потребности. Известный исследователь психологии социальных норм М. И. Бобнева на большом фактическом материале показала, что «люди обычно испытывают побуждение осуществлять нормативное поведение, следовать тем или иным социальным нормам и представлять другим участникам ситуации своё поведение как нормативное и нормативно обусловленное. При этом такое побуждение практически никогда полностью и адекватно не осознаётся...

без специальных указаний... на этот факт или без каких-либо иных... средств воздействия»⁴. Данный автор также обращает внимание и на то, что необходимые нормы актуализируются в сознании людей по особым законам и «отображаются в нормативных суждениях и обоснованиях выборов...»⁵.

Выбирая способ потребного поведения в его нормативных, типовых признаках субъекты должны мысленно проецировать их в ту конкретную среду, в которой они намерены воспроизводить нормативное поведение. Результатом такой проекции является конкретный план, сценарий реализации нормы в наличной действительности. Этот план, сценарий, адаптирует нормативный опыт прошлого сходного потребного поведения к настоящему, особым условиям и обстоятельствам его воспроизведения и представляет субъективную сторону поведения.

Фактическое осуществление данного плана, сценария образует объективную сторону поведения.

Нормативная, субъективная и объективная стороны должны соответствовать друг другу. В противном случае, чтобы добиться полезного результата, субъекты вынуждены корректировать объективную либо

³ Подробнее об этом см., Дугин А. Т. Субъективная сторона нормативного поведения // Правовед, межвузовский науч. сб., В. Новгород, 2000 г., с. 89-92; Дугин А. Т. Поведение как отношение – индивидуальное, общественное, правовое. В. Новгород, Псков, 2001 г.

⁴ Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978, с. 305-306.

⁵ Бобнева М. И. Там же... с. 306-307.

субъективную стороны или вообще избирать другую, более подходящую нормативную сторону поведения.

«Норма, - по определению Г. Клауса, - является предписанием, в соответствии с которым необходимо (можно или нельзя) выполнить определённое действие для достижения определенных целей»⁶. Эти предписания служат средством оценки прошлого, настоящего и предстоящего поведения. Субъекты, поэтому, стараются руководствоваться данными предписаниями и как можно более полно им соответствовать. Социальные нормы и их предписания продвигают общественный опыт поведения из прошлого в настоящее и потенциальное будущее, обуславливая и подчиняя себе тем самым субъектов. Последние вынуждены подчиняться предписаниям норм в своём поведении так как ничего другого им просто не остаётся. Без выполнения нормативных предписаний они могут действовать только наугад, методом проб и ошибок, что чревато неудачей и вредными последствиями вплоть до летального исхода.

Подчиняя, социальные нормы наделяют субъектов ответственностью за их исполнение как лично перед самими собой, так и перед обществом в целом как автором этих норм.

Личная, внутренняя ответственность субъектов обусловлена их положением в обществе как соавторов социальных норм, имеющих интересы, входящие в совокупность общественных интересов, охраняемых этими нормами.

Личная ответственность за соблюдение социальных норм наполняет субъектов «чувством гордости, высокой самооценкой, самоуважением, уверенностью в правильности своих действий...»⁷. Это, в свою очередь, оказывает воздействие на их последующее поведение, укрепляя его нормативную сторону.

Личная ответственность за неисполнение, нарушение социальных норм выражается в неприятных чувствах, проявляющихся в разных формах от мимолётного сожаления до неотступных мук совести. Эти чувства могут получить интеллектуальное сопровождение, варьирующее соответственно

⁶ Клаус Г. Сила слова. М. 1967., с. 178.

⁷ Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения... с. 110.

чувствам от поверхностного мысленного осуждения до глубокого раскаяния в содеянном. Последнее способно побуждать субъектов на основе имеющихся норм мысленно моделировать и воспроизводить фактически так называемое деятельное раскаяние – инициативное поведение, ориентированное на заглаживание вреда, причиненного антисоциальными действиями и на отказ от них в будущем поведении.

Внешняя, публичная ответственность перед обществом за соблюдение социальных норм выражается в общественной поддержке субъектов поведения, в публичных проявлениях уважения к ним со стороны других членов общества, поощрении, повышении их социального статуса.

Внешняя, публичная ответственность за нарушение социальных норм, напротив, снижает социальный статус субъектов-нарушителей, вызывает их публичное осуждение другими членами общества, стимулирует исправление. Она же, средствами внешнего принуждения побуждает субъектов к заглаживанию причиненного вреда, восстановлению социальной справедливости и предупреждению тем самым новых нарушений. Такая деятельность других членов общества по отношению к нарушителям социальных норм необходима в связи с тем, что далеко не все они способны на добровольное деятельное раскаяние. Согласно выводам М. И. Бобневой собственной мотивационной системы личности во многих случаях «недостаточно для обеспечения следования нормам – необходимо привлечение вырабатываемых обществом средств внешнего принуждения и побуждения»⁸.

Такие средства применяются не по произволу, или методом проб и ошибок, а в соответствии со сложившимися в социальном опыте нормами поведения. Последние образуют типовое, обобщённое содержание внешней, публичной ответственности, её нормативную сторону, творимую обществом как целостным субъектом. Мысленная адаптация данного содержания к конкретному нарушению превращает нормативную сторону публичной ответственности в её субъективную, а затем и в объективную стороны.

Облечённая государством в правовые формы эта ответственность

⁸ Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения... с. 128.

принимает вид юридической ответственности. Последняя, в своих нормативной, субъективной и объективной сторонах, воспроизводится уже не обществом в целом, а его властным представителем – государством, обладающим по отношению к нарушителям юридических норм непререкаемой принудительной силой. Таким образом юридическая ответственность есть поведение или деятельность государства, совершаемая в ответ на нарушение, неисполнение установленных им правовых норм. Нарушители в данной деятельности являются объектами, претерпевающими направленную на них принудительную силу, а государство субъектом-производителем этой силы, осуществляемой в рамках им же установленных специальных правовых норм.

Претерпевание объектами-нарушителями принудительной силы государства чаще всего называется наказанием, а производство этой силы государством – ответственностью. Но в обоих случаях это одна и та же юридическая деятельность с её нормативной, субъективной и объективной сторонами.

Уголовные ответственность и наказание есть разновидность юридической деятельности. Их понятия являются основными в уголовном праве. Ввиду идентичности структуры и содержания их следует признать синонимами.

Однозначность этих понятий в полномасштабном тройном выражении: нормативном, субъективном и объективном обычно не оспаривается. В нормативном, обобщённом выражении – это санкция уголовной нормы. В мысленно адаптированном к конкретному преступлению субъективном выражении – это заключительная часть вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и в фактическом, объективном выражении – это уголовно-исполнительная деятельность государства, осуществляемая по нормам уголовно-исполнительного права.

Данные формы или стороны уголовной ответственности и наказания реализуются не ради них самих, а исключительно для достижения рассмотренных выше целей, изложенных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Поэтому, если эти цели достигаются на нормативном уровне формирования уголовной

ответственности и наказания, то образующая их содержание юридическая деятельность прекращается уже на досудебной стадии уголовного процесса по основаниям, предусмотренным в главе 11 УК РФ, озаглавленной: «Освобождение от уголовной ответственности». Если данные цели реализуются в момент вынесения обвинительного приговора или в процессе его исполнения, то есть при появлении субъективной и объективной сторон уголовной ответственности и наказания, то составляющая их содержание юридическая деятельность прекращается сразу после вступления приговора в законную силу либо в процессе его исполнения по основаниям, указанным в главе 12 УК РФ под названием «Освобождение от наказания».

В отмеченных главах Уголовного Кодекса, несмотря на различия в их названиях, уголовная ответственность и наказание выступают не по отдельности, а в неразрывном единстве так как представляют одну и ту же деятельность со стороны субъекта или объекта. Отдельно друг от друга субъект и объект существовать не могут. Без объекта, как известно, нет субъекта и наоборот. Без них нет и самой деятельности, образующей содержание уголовной ответственности и наказания.

Поведение живущих в обществе субъектов находится в непосредственной или опосредованной зависимости от другого их поведения как прошлого и настоящего, так и возможного или неизбежного будущего. Поэтому, одно поведение общественного субъекта всегда находится в каком-то отношении к поведению другого общественного субъекта. В связи с этим данные отношения называются общественными. Закреплённые в юридических нормах они образуют правовые отношения. Отношения между различными видами поведения, изложенными в уголовно-правовых нормах именуются уголовно-правовыми отношениями. Это отношения между преступлениями, указанными в диспозициях статей Особенной части Уголовного Кодекса, и уголовной ответственностью или наказанием, представленным в санкциях этих статей. Выбирая, планируя и совершая деяния, отмеченные в диспозициях статей Уголовного Кодекса преступники неизбежно принимают во внимание потенциальные уголовную ответственность и наказание, грозящие им в санкциях данных статей УК.

Зная и игнорируя эти угрозы преступники проявляют безответственность перед государством и сами дают ему фактические повод и основание для реального применения этих санкций. В свою очередь государство, запрещая определённое поведение в диспозициях статей Уголовного Кодекса, юридически, нормативно обязывает себя тем самым инициативно проверять соблюдение этих запретов и, применять к нарушителям уголовно-правовые санкции.

Нарушение уголовно-правовых запретов или преступное поведение также как и любое другое поведение определяется, избирается субъектами для удовлетворения потребностей на нормативном уровне, обозначенном, как уже говорилось, в диспозициях статей Особенной части УК. Этому, общественно опасному, негативному поведению субъекты, пренебрегающие интересами общества, отдают предпочтение перед другим альтернативным поведением, которое они в состоянии осуществить с пользой для общества. Проецируя данную диспозицию на наличную действительность они определяют конкретный план, сценарий общественно вредного поведения или субъективную сторону своего преступления. Реализуя её фактически они совершают объективную сторону преступления. Фактическое воспроизводство диспозиции статьи Уголовного Кодекса, наделяет субъектов осознанием своих действий, способностью руководить ими и предвидеть их общественно опасные последствия. Это дает им возможность заранее быть готовыми к наступлению нормативно обусловленных последствий и своими действиями продолжать целенаправленно вызывать их или, напротив, в какой-то момент воспрепятствовать их наступлению. Возможность выбора между этими альтернативами делает субъектов ответственными за своё поведение и за его последствия.

Однако реальное исполнение запрещенного уголовно-наказуемого поведения ещё нельзя признать непосредственным фактическим основанием уголовной ответственности как это неправильно указано в ст. 8 УК РФ⁹. Дело в том, что реальное поведение, в том числе и преступное, - это процесс, текущий во времени. Из-за этого он исчезает из наличной действительности в

⁹ Об этом см., Дугин А. Т. Проблема основания уголовной ответственности// Правовая политика и правовая жизнь. Саратов. М., 2005., № 4. с. 123-127.

тот же самый момент, в который в ней и возникает. Поведение как процесс уходит в прошлое по мере осуществления и как конкретное физическое явление в настоящее никогда не возвращается. По этой причине он никак не может быть непосредственным основанием уголовной ответственности и наказанию в своем первоначальном фактическом выражении. Не может быть реальным основанием то, чего нет в настоящей действительности, чего нельзя предъявить в натуре в случаях его полного либо частичного отрицания лицами, не желающими ответственности и наказания. Но последние всё же существуют и достаточно широко применяются. Следовательно, уголовная ответственность и наказание реально опираются на имеющие место в настоящем, а не в безвозвратном прошлом фактические основания, позволяющие предъявлять их в натуре в каждом спорном случае.

Таковыми основаниями являются следы преступных деяний. Они не уходят в прошлое, а, в отличие от деяний продолжают какое-то время оставаться в настоящем, фрагментарно отражая их своими признаками. Следы позволяют собирать данные в них фрагменты отражения в единое целое, мысленно восстанавливать, моделировать деяния прошлого в настоящем, а затем объективировать и использовать их мысленные модели в качестве опосредованного основания уголовной ответственности и наказания¹⁰.

Мысленное возвращение запрещённых уголовными нормами деяний из прошлого в настоящее и их языковая объективация происходит не автоматически, не сама собой, а в результате серьёзной уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных и судебных органов на стадиях дознания, предварительного и судебного следствия. В процессе этой деятельности, жёстко регламентированной уголовно-процессуальным правом и осуществляемой на основе криминалистических и иных специальных познаний, обнаруживаются, фиксируются и хранятся в установленном порядке материальные и идеальные, мысленные следы расследуемых деяний.

¹⁰ О механизмах такого восстановительного моделирования см., Дугин А. Т. Объекты и субъекты досудебной уголовно-процессуальной деятельности; Механизм возникновения и реализации общей и частных целей досудебной уголовно-процессуальной деятельности// Правовед, межвузовский сб., Новгород, 1998., с. 101-114.

При этом выделяются и процессуально закрепляются те из их многочисленных признаков, которые непосредственно отражают деяния прошлого в настоящем в тех их фактических обстоятельствах, которые нормативно предусмотрены Уголовным Кодексом для каждого вида преступных проявлений.

Из отражения этих разрозненных следовых признаков органы расследования и суд создают мысленные, мозаичные картины юридически значимого поведения прошлого, объективируют их в уголовно-процессуальных документах и квалифицируют по соответствующим статьям Особенной Части УК. Интеллектуальное совмещение и отождествление в процессе квалификации отражённых признаков фактических деяний с типовыми признаками сходных нормативных деяний, указанных в диспозициях статей Уголовного Кодекса, означает опознание в созданных интеллектуальных моделях фактических деяний конкретных преступлений. Вероятно и это имел ввиду К. Маркс когда писал, что «определённое содержание правонарушения является пределом для определённого преступления»¹¹. Это также означает и то, что преступление как реальное основание уголовной ответственности в своих фактических и юридических признаках получает окончательное, юридически значимое оформление только в момент заключительной квалификации его идеальной следовой картины в обвинительном приговоре суда вступившем в законную силу.

Этот документ, в свою очередь, основан на материалах уголовного дела, которые, как и сам приговор, являются специально созданными следами того уголовного процесса, который был исполнен государством для мысленного или идеального возвращения содеянного преступником из прошлого в настоящее. Реальный уголовный процесс, как и любое другое поведение или деятельность последовательно уходит в прошлое в момент своего совершения и в непосредственном физическом выражении также как и преступление в настоящее никогда не возвращается. Поэтому, материалы уголовного дела, содержащие документальные следы этого процесса и объективированную языковую модель совершенного в прошлом

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1, с. 124.

преступления, остаются единственным фактическим основанием уголовной ответственности и наказания в настоящем. Они хранятся в неизменном фактическом виде в настоящем времени столько, сколько это необходимо для решения задач уголовного судопроизводства и могут быть в любой момент представлены для изучения заинтересованным лицам. Другой альтернативы этому опосредованному основанию уголовной ответственности и наказанию не существует. В связи с этим ст. 8 УК РФ требует внесения соответствующих изменений в её содержание.

Квалификация содеянного по статье Уголовного Кодекса отсылает государство к санкции данной статьи. В результате оно в этот момент узнаёт не только о совершенном в прошлом конкретном преступлении во всех его юридически значимых проявлениях, но и на нормативном, типовом уровне определяется с характером своей ответной деятельности по поводу этого конкретного преступления. Данная деятельность, изложенная в санкции статьи Особенной Части УК, как раз и составляет нормативную, типовую сторону уголовной ответственности за совершённое преступление. Её конкретные пределы определяются фактическим содержанием содеянного преступником. Таким образом, уголовная ответственность – это деятельность государства по поводу совершённого в прошлом и интеллектуально восстановленного в настоящем преступления. Как уже говорилось, государство в этой деятельности является субъектом, а преступник – объектом. Государство как субъект деятельности предписанной санкцией статьи Особенной Части УК, воздействует на преступника как на мыслящий объект, точнее на ту часть его сознания, которая создала в прошлом субъективную сторону запрещённого поведения и руководила её фактической реализацией. Одновременно с этим государство воздействует и на ту часть общественного сознания, которая потенциально может быть использована другими людьми для совершения аналогичных преступлений. Следовательно, объектом ответственности, творимой государством в рамках санкции статьи Особенной Части УК, наряду с индивидуальным сознанием конкретного преступника, является и общественное сознание других людей, находящихся в его юрисдикции.

Учитывая изложенное уголовную ответственность следует признать позитивной, полезной для общества деятельностью государства, тогда как в сознании объекта этой ответственности – субъекта преступления она чаще всего воспринимается как негативная, карающая за содеянное ограничением его законных прав и интересов. Эти ограничения объект уголовной ответственности обязан претерпевать согласно закону и в соответствии с вынесенным ему обвинительным приговором суда.

Данный документ, как уже говорилось, представляет субъективную сторону уголовной ответственности. Он содержит объективированную в тексте мысленную проекцию санкции уголовной нормы на конкретное содержание мысленной модели деяния прошлого, квалифицированной или отождествлённой с диспозицией данной нормы. По выражению К. Маркса «мера этого содержания есть... и мера преступления»¹², преобразующая нормативную сторону уголовной ответственности в ее субъективную сторону, определяемую судом по своему усмотрению, но в рамках имеющейся санкции уголовной нормы. Эта субъективная сторона уголовной ответственности, объективированная судом в обвинительном приговоре, является конкретным планом, сценарием предстоящего наказания за преступление.

Этот план, сценарий, после вступления приговора в законную силу, направляется в уголовно-исполнительные органы государства для фактического воспроизведения согласно нормам уголовно-исправительного права. Данное воспроизведение, как уже отмечалось, образует объективную сторону уголовной ответственности и наказания. По мере своего совершения она уходит в прошлое, оставляя в настоящем следы или результаты, обозначенные в целях уголовного наказания в ч. II ст. 43 УК РФ.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. ... там же.

ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.*

Для восстановления соблюдения и обеспечения конституционных прав и свобод граждан уголовное право наделяет государство такими полномочиями, которых нет ни в одной другой отрасли права. Эти полномочия способны впечатлить любого потенциального правонарушителя, если конечно он даст себе труд задуматься над их возможным к себе применением. Понятно, что реализация таких полномочий требует от государства особой осмотрительности и осторожности, так как ошибки, нарушения и злоупотребления в уголовно-правовой сфере дорого обходятся как отдельным гражданам, так и всему обществу в целом.

Важно не только правильное правоприменение. Необходимо и правильное правоустановление. Нормы права должны соответствовать тем реалиям, которые они призваны регулировать. С этой точки зрения ст. 8 УК РФ об основании уголовной ответственности далека от совершенства. В качестве основания ответственности в ней предусмотрено деяние, содержащее все признаки состава преступления. При этом деяние берется в этой статье в настоящем времени. В ней так прямо и записано, что основанием уголовной ответственности является «совершение деяния». Это значит, что деяние, содержащее все признаки преступления, ставится законом в основание уголовной ответственности в момент его возникновения в наличной внешней среде.

Сформулированное таким образом оно автоматически попадает и в основание уголовно-процессуальной деятельности, где создает большие проблемы для ее нормального осуществления и соблюдения прав и законных интересов граждан.

Если основанием уголовно-процессуальной деятельности закон признает преступление со всеми его фактическими и юридическими признаками, то тогда прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям становится доказательством его необоснованного, а значит и незаконного возбуждения. Нарушением закона тогда становится не только сам факт возбуждения уголовного дела, но и все произведенные по нему

следственные действия: осмотры, освидетельствования, выемки, обыски, допросы, очные ставки, задержания, аресты и др.

Следственные действия сами по себе существенно ограничивают права и законные интересы граждан. Поэтому, если они произведены по незаконно возбужденному делу, то и сами они становятся незаконными. А это требует соответствующего реагирования, проще говоря, наказания лиц, организовавших проведение этих следственных действий. И такое реагирование действительно существует. Более того, оно достаточно распространено, особенно в тех случаях, когда дело получает широкую общественную огласку.

С учетом изложенного, возникает вопрос: «А будет ли следователь при таком правовом регулировании спешить с прекращением уголовного дела по реабилитирующим обстоятельствам?». Вопрос конечно риторический, особенно, если к этому времени подследственный уже долгое время находился под стражей. Вот тогда то, как раз, и появляются уголовные дела, возбужденные по крупным финансовым злоупотреблениям, а прекращенные с признанием составов совсем других преступлений, таких, например, как незаконное хранение двух-трех малокалиберных патронов, случайно обнаруженных при обыске среди домашних инструментов подследственного, бог весть, как и когда туда попавшими и о которых сам он уже много лет не имел никакого понятия. И подобных уголовных дел, в которых состав преступления, что называется, притягивается за уши не так уж и мало в повседневной следственной практике.

Тогда и получается, что данное в ст. 8 Уголовного Кодекса основание уголовной ответственности - преступное деяние в момент его совершения – это прямая дорога к обвинительному уклону, к нарушению презумпции невиновности и, соответственно, к существенным нарушениям конституционных прав и свобод граждан.

Преступное деяние в момент его совершения не может быть основанием уголовной ответственности ни формально, ни фактически. Преступление, как и любое другое деяние, исчезает из наличной действительности в тот же самый момент, в который в ней появляется.

Находясь в прошлом, оно не может быть основанием для чего-либо в настоящем, в том числе и для уголовной ответственности.

В основании уголовной ответственности должно находиться такое явление, которое пребывает в настоящем времени и на момент привлечения виновных к ответственности, и на период реализации этой ответственности посредством отбытия наказания. Оно должно неопределенно долго сохраняться в наличной действительности и после отбытия осужденными уголовного наказания на случай появления новых обстоятельств, способных реабилитировать невинно пострадавших от органов правосудия.

Таким универсальным основанием могли бы быть следы совершенного преступления. В отличие от самого преступления они не исчезают в прошлом, а продолжают быть в настоящем. Закрепленные в установленном законом порядке они способны хранить свое доказательственное значение неопределенно долгое время, значительно выходящее за рамки жизни отдельного человека.

Однако следы, сами по себе, с точки зрения задач уголовного судопроизводства, имеют немало недостатков, главный из которых их односторонность. Взятые по отдельности, они зачастую содержат лишь небольшую часть сведений о преступлении, которые характеризуют его с какой-то одной стороны. Для основания же уголовной ответственности требуется информация о преступлении как можно более полная и всесторонняя. Поэтому, чем больше обнаруживается следов по уголовному делу, тем меньше односторонности, тем больше полноты расследования.

Однако количественный подход не решает всей сложности проблемы. Многие следы от преступных деяний похожи на следы от правомерных деяний. Поэтому их легко перепутать. Следы преступлений со временем могут изменяться до неузнаваемости. Они нередко утрачиваются по естественным причинам, по неосторожности или умышленно. Их намеренно скрывают или фальсифицируют. Для обнаружения и закрепления следов в установленном законом порядке нужны соответствующие знания, навыки,

профессиональный и житейский опыт, а также другие специальные познания, непосредственно не связанные с расследованием преступлений.⁶

Правильное решение всех этих вопросов возможно лишь в рамках уголовно-процессуальной деятельности, имеющей правовые гарантии от возможного следственного и судебного произвола, от проявлений некомпетентности или недобросовестности. Используя парадоксальный оборот, можно сказать, что такая деятельность строит из настоящего прошлое. Посредством жестко регламентированных следственных действий совершенное преступление как бы возвращается из прошлого в настоящее. Но происходит это уже не в былой общественно-опасной материальной форме, а только лишь мысленно, идеально, в виде информации о преступлении. А. П. Гуськова по этому поводу замечает, что «познание события преступления происходит путем восстановления картины прошлого на основе добытых сведений, которые всегда остаются в объективном мире»⁷. В. Ю. Миронов особо подчеркивает, что «субъекты доказывания лишены возможности непосредственно воспринимать установленный ими преступный факт и что в основу их представлений о нем может быть положена исключительно доказательственная информация, образованная преступным событием и иными, связанными с ним релевантными обстоятельствами. Данный тезис, - продолжает он, - подтверждается законодателем, поскольку доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу (ч.1 ст. 74 УПК)».⁸

Информация дается в уголовном деле в виде идеальной (мысленной) модели совершенного преступления. Сначала в обобщенном виде она

*Дугин А.Т. Основание уголовной ответственности. // Правовед. Межвуз. науч. сб. Вып. №10. Великий Новгород. 2014., с.163-166.

⁶ Подробнее об этом см.: Дугин А.Т. Основания и виды уголовного правоотношения; Объекты и субъекты досудебной уголовно-процессуальной деятельности; Механизм возникновения и реализации общей и частных целей досудебной уголовно-процессуальной деятельности // Правовед. Межвузовский научно-методический сб., вып. 1, с. 1998, с. 94 – 121; Дугин А.Т. Проблема законности и обоснованности предъявленного обвинения. // Правовед. Межвузовский научно-методический сб., 2001. С. 111 – 116.

⁷ Гуськова А.П. Доказывание и принятие решений в уголовном процессе. Оренбург, 2000. С. 6.

⁸ Миронов В.Ю. Достоверность доказательств и их значение при постановлении приговора. Оренбург, 2006. с. 40.

опредмечивается в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, затем в обвинительном заключении и окончательный вид принимает во вступившем в законную силу обвинительном приговоре суда по уголовному делу.

Уголовное дело с таким приговором отвечает всем указанным выше требованиям, предъявляемым к основанию уголовной ответственности. Такое дело не исчезает как преступление из настоящего в прошлое. Оно остается в настоящем столько, сколько это необходимо для решения задач уголовного судопроизводства. В его материалах имеются все необходимые для уголовной ответственности сведения о преступлении, о личности осужденного, о смягчающих и отягчающих его вину обстоятельствах. Такое дело способно в любой момент послужить доказательством обоснованности привлечения лиц к уголовной ответственности и наказанию. Вместе с тем, оно может быть всегда пересмотрено по вновь открывшимся обстоятельствам и в этом новом качестве послужить основанием для реабилитации невинно осужденных.

Исходя из изложенного содержание ст. 8 УК РФ следует кардинально изменить. В роли основания уголовной ответственности она должна представлять не преступление как таковое в его фактических и юридических признаках, а материалы уголовного дела и соответствующий им обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу.

ПРОБЛЕМА УМЫШЛЕННОЙ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РФ*

Изложение умышленной вины в действующем Уголовном кодексе мало соответствует современным представлениям о взаимодействии психического и физического в сознательном поведении, частью которого являются и преступления. Так, в ч. 2 ст. 25 УК РФ «преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо сознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления». Такое определение понуждает к неверному представлению о том, что объективная сторона преступления будто бы совершается независимо, вне или до ее осознания. Она в данном определении возникает как бы сама собой, автоматически, объективно и только после этого сознание регистрирует факт ее совершения в части общественно опасных действий (бездействия). Это, согласно определению, наделяет лицо предвидением и желанием общественно опасных последствий от указанных, уже свершившихся в наличной действительности, действий (бездействия).

Не трудно заметить, что в таком контексте предвидение и желание утрачивают присущую им функциональность, так как отраженные в их содержании общественно опасные последствия наступают вслед за фактом преступного деяния объективно и независимо от указанных психических феноменов. Сознанию в этом определении также выпадает несвойственная роль пассивного наблюдателя за фактическим совершением общественно опасных деяний, тогда как в умышленной вине оно является двигателем преступного поведения и его непосредственным руководителем.

По меньшей мере странно с указанных позиций выглядит и формулировка в ч. 3 ст. 25 УК РФ косвенного умысла. Лицо в ней сознает факт совершения преступного деяния, но при этом не желает его общественно опасных последствий. Получается, что оно действует вопреки своим желаниям, что с психологической точки зрения невозможно из-за отсутствия мотивации к данному поведению.

В итоге в ст. 25 УК РФ субъективная и объективная стороны преступления функционируют отдельно и независимо друг от друга без

всякого взаимного опосредования, что никак не согласуется с психофизическими механизмами поведения вообще и преступных деяний в частности.

На самом деле интеллектуальная часть субъективной стороны умышленных преступлений не только следует за общественно опасными деяниями, но и опережает, предваряет их совершение во внешней среде, посредством соответствующего мысленного моделирования, именуемого предвосхищением или предвидением фактического их воспроизведения в рамках нормативно данной объективной стороны преступлений с последующим осознанием материального ее появления в результате такого воспроизведения. Материализацию или фактическое опредмечивание нормативных признаков объективной стороны преступлений, указанных в диспозициях статей Особенной части УК, нельзя совершить непосредственно, так как диспозиции содержат лишь незначительную часть нормативно типовых, а значит, сходно повторяемых или возобновляемых признаков преступлений, характеризующих их как типовые общественно опасные деяния. Другие, как нормативные, так и особенные, индивидуальные признаки реальных преступлений в них не указываются. Поэтому субъекты, решившие нарушить уголовно-правовой запрет, нуждаются в устранении его радикальной информационной усеченности. Для этого они должны мысленно приспособить его к собственным субъективным особенностям и возможностям, а также к особенностям и возможностям объектов и среды предстоящих реальных преступных деяний. Итогом такого приспособления является конкретный идеальный план, сценарий намеченного преступления. Последний всегда присутствует в психике субъектов умышленных преступлений, хотя и далеко не во всех случаях осознается ими во всех необходимых деталях и подробностях. Данный план, сценарий мысленно дополняет, детализирует и конкретизирует диспозицию уголовной нормы, превращаясь тем самым в идеальный, конкретный образец, предстоящего преступления. Последний, дойдя до нужной степени психического возбуждения, инициирует материальный процесс преступного поведения, который копирует, воспроизводит данный образец во внешней среде посредством внешних субъектных органов чувств и органов движения. При

этом идеальный образец не только инициирует эти внешние субъектные органы, но и, опережая их функции, целесообразно управляет ими, удерживая в нормативных в рамках объективной стороны преступления, указанной в диспозиции статьи Особенной части Уголовного кодекса.

Адекватно опредмеченные таким способом нормативные и особенные признаки объективной стороны преступления воспринимаются субъектами из внешней среды и преобразуются в соответствующие идеальные образы, осознаваемые как фактическое воплощение в реальной действительности идеальных образцов, планов, сценариев данного преступления. Сравнивая с ними данные образы субъекты осознают фактический характер совершаемых действий, их противоправность и общественную опасность.

Сопоставляя идеальные отражения фактически содеянного с идеальными планами, сценариями преступлений в целом, субъекты тем самым сознают объективную сторону преступлений, отдают отчет своим действиям, определяя, на какой стадии фактического совершения преступлений они находятся и что еще предстоит сделать для полного материального воплощения преступного умысла в наличной внешней среде. Исходя из этого они руководят своими действиями, корректируя при необходимости как материальную, так и идеальную часть преступного поведения.

Сравнение, сопоставление и отождествление по сходным признакам идеальных отражений фактически совершенных преступных действий с их идеальными, плановыми, сценарными прототипами и руководство на этой основе дальнейшими противоправными действиями может происходить как на интеллектуальном, образном, так и на эмоциональном, чувственном уровнях идеального отражения преступлений. При этом данные уровни могут функционировать как альтернативно, самостоятельно, так и совместно, как одно единое целое.

Сознавая факты нарушений уголовно-правовых запретов, субъекты тем самым ощущают свою вину перед их создателем-государством и предвидят с его стороны возможность применения к ним ответных мер, указанных в

санкциях статей Особенной части УК, диспозиции которых они, полностью или частично, воспроизвели фактически в реальной действительности.

Изложенное свидетельствует, что вина, как психический феномен, идеально функционирующий внутри субъектов умышленных преступлений, включает в свой состав осознание нормативно-правовой стороны преступлений, указанных в диспозициях уголовных норм, конкретные субъективно идеальные адаптивные планы, сценарии или образцы их реализации в наличной действительности, а также осознание конкретных общественно опасных материальных результатов фактического их воплощения в этой действительности в форме объективной стороны преступлений, указанных в диспозициях уголовных норм. При этом предвидение предстоящих фактических преступных действий и их общественно опасных последствий, выраженное в виде мысленного приспособления к наличной действительности уголовно-правовых запретов, принявших в результате этого форму конкретных идеальных планов, сценариев, образцов запрещенных действий и их последствий, превращается в психическую причину преступления. В этом качестве предвидение играет в ней двоякую роль. В отношении к потребностям субъектов оно становится мотивом преступления, а в отношении к внешним потребным объектам оно превращается в преступную цель. Мотивы и цели по указанным выше причинам могут представляться субъектам как интеллектуально, образно, так и эмоционально, чувственно, как альтернативно, так и совместно, как одно идеальное целое.

Таким образом, умышленная вина как психическое отношение лица к преступно содеянному содержит все компоненты субъективной стороны преступных деяний. А именно: нормативно данное в уголовно-правовых запретах и мысленно адаптированное к наличной действительности предвидение предстоящих преступных действий и их общественно опасных последствий, осознание фактической реализации данного предвидения в объективной стороне совершаемых преступлений, а также иницирующие психические составляющие данной реализации: мотивы, цели и эмоции преступного, поведения. К этим психическим феноменам присоединяются и

волевые усилия, удерживающие объективную сторону преступления в нормативных рамках уголовно-правового запрета¹.

В представленном виде субъективная сторона преступления структурно ничем не отличается от аналогичной стороны любого другого поведения, не запрещенного уголовным правом и, следовательно, не имеющего уголовно-правовой вины. Поэтому в запрещенном в уголовном порядке поведении должны присутствовать и другие психические составляющие, характеризующие вину субъектов в преступно содеянном.

Таковыми составляющими, в частности, являются актуализированные потребностью альтернативные, не запрещенные уголовным правом нормы социального поведения, с позиций которых субъекты оценивают реализуемое ими преступное поведение и ощущают свою вину за содеянное. В начале преступного поведения мысленная, эмоциональная актуализация преступного поведения превышает актуализацию альтернативных, неуголовно-правовых, социальных норм, вследствие чего субъекты приступают к реализации нормы преступного поведения, подключая к этому и необходимые волевые усилия. По мере реализации актуальность уголовной нормы снижается, а актуальность нереализованных неуголовных альтернативных социальных норм остается на прежнем уровне или даже увеличивается. Изменение соотношения актуальности указанных норм в пользу неуголовно-правовой социальной составляющей может прекратить преступное деяние до его нормативно обусловленного завершения и привести тем самым к добровольному отказу от преступления. В случае же окончанного преступления нереализованное психическое возбуждение, вызванное актуализацией альтернативных не уголовно-правовых социальных норм, будет искать выход в объективной стороне другого поведения и может найти его в такой пост- криминальной ее разновидности, как деятельное раскаяние, предусмотренное ст. 75 УК РФ или в примирении с потерпевшим, предусмотренным ст. 76 УК РФ.

Поскольку в интеллектуальной части умышленной вины мотивы, цели и эмоции являются ее факультативными признаками, то они и не должны включаться в общие определения прямого и косвенного умыслов, так, как это

правильно сделано в ст. 25 УК РФ. В остальном же текст данной статьи нуждается в редакционной и смысловой корректировке. Эта непростая задача должна быть решена всесторонним обсуждением ее в научной литературе. В качестве варианта такого обсуждения можно предложить следующие определения умышленной вины.

Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо сознавало противоправность и общественную опасность предстоящих конкретных действий (бездействия) при имеющихся возможностях альтернативного, непротивоправного, поведения и вопреки этому фактически воспроизвело их в объективной стороне преступления, предусмотренного статьями Особенной части Уголовного кодекса.

Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо сознавало возможность наступления побочных общественно опасных последствий от предстоящих конкретных действий (бездействия), превращающих его деяние в преступление, предусмотренное статьями Особенной части Уголовного кодекса и вопреки этому воспроизвело это деяние фактически в виде объективной стороны данного преступления.

* Дугин А. Т. Проблема умышленной вины в Уголовном кодексе РФ. // Российский следователь, №19, М., 2009, с. 11-19.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ ВИНЫ.

В УК РФ вина как обязательный признак преступлений дается в виде умышленного либо неосторожного психического отношения к ним лиц их совершивших. Такое отношение предполагает осознанное и волевое совершение преступных деяний, сопряженное с предвидением их общественно-опасных последствий или, по крайней мере, с наличием обязанности и возможности такого предвидения. «Без сознания и воли, - пишет Н. С. Малеин, - нет деяния ни противоправного, ни правомерного...право регулирует сознательное волевое поведение и рассчитано только на него. Право в равной степени бессильно регулировать и, в частности, запрещать как процессы природы (землетрясения, тайфуны), нрав диких животных, так и бессознательные состояния человека, несмотря на то, что эти события и явления могут быть опасными в смысле причинения вреда».⁹ «Как нет правонарушения при стихийных силах природы, - утверждает Н. С. Малеин, - так нет его и в невиновном случае с человеком».¹⁰

Право регулирует и, в частности, запрещает общественно опасное поведение, воздействуя своими обязательными для исполнения нормами на сознание и волю человека. Делая это, оно формирует у людей соответствующее психическое отношение к запрещенному законом поведению.

Исходя из этого, следует заключить, что право вообще и уголовное право в частности находится в основании психического отношения субъектов к обозначенным в уголовном законе преступлениям. Это имеет место и тогда, когда субъекты подчиняют свое поведение правовым запретам и тогда, когда они их нарушают. Осознанное и волевое, умышленное или неосторожное нарушение установленных правом запретов на фактическое воспроизводство определенных видов общественно опасного поведения как раз и представляет собой то, что в уголовном праве называется виной.

⁹ Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985., с. 14.

¹⁰ Малеин Н. С. Там же ... с. 14.

Из изложенного следует, что вина, наряду с указанным в ст. ст. 24-27 УК РФ умышленным либо неосторожным личным отношением субъектов к совершенным ими общественно опасным деяниям, содержит еще и осознание ими отрицательного отношения к этим деяниям общества и государства. Такое отношение к общественно опасным деяниям государство от своего имени и от имени общества в целом сформулировало в ст. 14 УК РФ, где данные деяния представлены им как преступления. Преступления в этой статье УК РФ характеризуются как виновно совершенные общественно опасные деяния, запрещенные настоящим Кодексом под угрозой наказания. Негативное отношение общества и государства к нормативно обозначенным в УК РФ общественно опасным деяниям как к уголовно наказуемым преступлениям обязывает и совершающих их субъектов относиться к ним аналогичным образом, то есть давать им ровно такую же отрицательную оценку и осознавать их совершение как преступление. При этом субъекты должны сознавать не только сам факт преступления, но и возможность применения к преступникам уголовного наказания со стороны государства.

Учитывая это, следует, вероятно, дать в Уголовном Кодексе РФ общее определение вины в преступлении. В этом определении кроме уже имеющегося указания на осознание субъектами общественной опасности совершаемых ими деяний, должно быть специально предусмотрено и осознание ими других признаков преступления, указанных в ст. 14 УК РФ, а именно осознание уголовной противоправности и наказуемости этих деяний.

Осознавая общественную опасность, противоправность и наказуемость совершаемых деяний субъекты, как правило, заинтересованы в сокрытии этого осознания, как от общества, так и от государства. Кроме того, вследствие личной заинтересованности, а нередко и по причине недостатка юридических знаний, они при оценке своих деяний могут совершать юридические и фактические ошибки. Не в состоянии они также и сами себе назначать наказание, нормативно данное в статьях Уголовного Кодекса применительно к каждому виду совершенного ими преступления.

По указанным причинам последнее слово за признанием вины субъектов в совершенных ими преступлениях остается за государством.

Право и обязанность государства устанавливать обстоятельства преступлений и вину субъектов в их совершении закреплены в ст. 43 УК РФ. В ней прямо указано на то, что уголовное наказание назначается «по приговору суда» и «применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления». Признание судом вины субъектов в совершенных преступлениях является основанием уголовной ответственности и назначения соответствующего этой вине уголовного наказания. Поэтому, было бы правильным уточнить содержание ст. 43 УК РФ и прямо указать на то, что признание лица виновным в совершении преступления является обязанностью суда. В связи с этим вышеуказанная часть текста данной статьи могла бы выглядеть следующим образом: «Наказание применяется к лицу, признанному судом виновным в совершении преступления...».

Подводя итог вышесказанному, следует прийти к выводу, что вина является сложным составным понятием, выходящим за рамки личного отношения субъектов к совершаемым ими преступлениям. Ее составляющими являются:

- данное в ст. 14 УК РФ негативное отношение государства к обозначенным им в статьях Особенной части Уголовного Кодекса общественно опасным деяниям как к преступлениям;
- субъективное отношение лиц к совершенным ими преступлениям, указанное в ст. ст. 24 – 27 УК РФ;
- нормативно данное в ст. 43 УК РФ, и конкретно указанное в приговоре суда отношение государства к виновному лицу, фактически совершившему запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние.

Учитывая эти составляющие вины, общее ее определение в Уголовном Кодексе РФ можно было бы дать в следующей форме: « вина есть умышленное или неосторожное совершение запрещенных под угрозой наказания общественно опасных деяний, обозначенных в настоящем.

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ КАК ВИД КОЛЛЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА.*

В начале прошлого века Н. Д. Сергиевский, начиная с работ средневекового юриста и философа Гуго Гроция, насчитал 24 полных философских системы и сотню прикладных криминалистических теорий рассматривающих понятие уголовного наказания [1]. Учитывая такое большое количество разных взглядов на наказание, современные авторы А. Г. Безверхов и А. В. Жуков в работе «Теории наказания» сочли возможным при их классификации не выдвигать очередной новой теории по данной тематике[2]. В обоснование такого решения они сослались на юриста XIX века Лайстнера, утверждавшего, что при известном ему состоянии научной мысли «может быть даже заслугой изложить все существующие теории и не распространяться в заключение в новой гипотезе» [3]. И все же, несмотря на внушительный список разных точек зрения, попытки однозначного решения данной проблемы не прекращаются и поныне.

В настоящее время серьезный анализ указанных теорий представлен в научном издании 35-томной энциклопедии уголовного права В. Н. Орловым и О. В. Старковым[4]. Они изучили практически весь спектр мнений по данной проблематике и выявили немало сходных представлений о наказании. К таковым, в частности, относятся представления об этом явлении как об уголовно-правовом последствии преступления, как о форме реализации уголовной ответственности, как о реакции противодействия, сопротивления государства преступлению, как о мерах принуждения, как об уголовно-правовых воздействиях, как о средствах исправления и перевоспитания осужденного, как об осуждении преступника, как о каре, взыскании, репрессии за вину, как о правоограничении, порицании, упреке за содеянное и др.

По поводу множественности признаков определяющих наказание В. К. Дуюнов писал, что каждый из них имеет право на существование и «теоретически может быть отражен в понятии наказания или даже принят за его основу. Однако, поскольку каждое явление обладает своей особой

сущностью, которая в первую очередь и должна найти отражение в его понятии, среди приведенного многообразия значений и свойств наказания должно быть выделено то главное, что только и составляет сущность данного явления: его наиболее важные, характерные свойства, определяющие смысл его существования, социальное предназначение и роль в жизни общества» [5].

К этому, безусловно, верному замечанию следует добавить и то, что, положенные в основу определения признаки уголовного наказания должны имплицитно предполагать или, по крайней мере, не исключать другие его признаки и свойства, не вошедшие в формулировку понятия, но, фактически, имеющие место в этом явлении. Эти признаки должны логически не противоречиво выводиться из основного содержания понятия наказания, выявлять и детализировать его внутреннюю структуру и характер существующих в ней взаимосвязей.

Исходя из этих замечаний методологического характера, предлагается определять уголовное наказание как коллективную уголовно-правовую деятельность государства. На такое понятие наказания наталкивают все выше перечисленные и другие признаки и свойства наказания. Они с разных сторон характеризуют это явление в рамках одной и той же структуры, структуры государственной деятельности. Из признаков этой деятельности полностью сформировано и законодательное определение уголовного наказания в ст. 43 УК РФ. В частности оно указывает на субъект наказания – государство, на его объект – лицо, признанное виновным в совершении преступления, на способы наказания в виде мер принуждения, назначаемых по приговору суда, на цели наказания – восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Сходным образом построены определения наказания и в Уголовных Кодексах Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Латвии, Литвы, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Эстонии, а также в Модельном Уголовном Кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств.

Государственная деятельность, именуемая уголовным наказанием, состоит из двух взаимосвязанных видов. Это деятельность по назначению наказания и деятельность по его исполнению. При этом деятельность по назначению наказания регулируется уголовным правом, а деятельность по исполнению назначенного наказания – уголовно-исполнительным правом. Учитывая это, в обоих видах деятельности следует различать правовую или нормативную, правоприменительную и правоисполнительную стороны.

Нормативная сторона деятельности по назначению уголовного наказания регламентирована статьями Уголовного Кодекса.

Правоприменительная сторона назначения наказания выражается в интеллектуальной адаптации этих статей к совершенному виновным лицом преступлению. При этом следует иметь в виду, что преступление, за которое назначается конкретное наказание, возникает в наличной действительности и исчезает из нее в безвозвратное прошлое практически в один и тот же момент времени. Поэтому типовые правовые нормы о наказании адаптируются не непосредственно к самому реально совершенному преступлению, что невозможно физически, а к информации о его совершении, собранной в материалах уголовного дела в соответствии с требованиями Уголовно-Процессуального Кодекса. Адаптация осуществляется судебными органами посредством специальных и общих приемов толкования уголовных норм и соответствующей оценкой материалов уголовного дела. Завершается она интеллектуально принятым решением о назначении виновному лицу конкретной меры наказания за совершенное им преступление.

Материализация этого решения в обвинительном приговоре суда является исполнительной стороной государственной деятельности по назначению уголовного наказания. Обвинительный приговор являет собой основание и общий план применения типовых уголовных норм о наказании к конкретному правонарушителю за фактически содеянное им преступление.

Нормативная сторона государственной деятельности по исполнению назначенного судом уголовного наказания регламентирована статьями уголовно-исполнительного права. Они юридически детализируют

назначенный осужденному вид наказания и определяют общие правила и условия его фактического отбывания.

Правоприменительная сторона исполнения уголовного наказания состоит из интеллектуальной адаптации норм уголовно-исполнительного права к конкретному уголовному наказанию, указанному в обвинительном приговоре суда и к лицу обязанному к фактическому его отбыванию. Адаптация осуществляется государственными органами, ведающими исполнением обвинительного приговора суда, по специальным правилам, установленным ведомственными приказами и распоряжениями, а также посредством принятия конкретных решений касающихся реальных условий отбывания наказания осужденными.

Исполнительная сторона исполнительной деятельности государства состоит в организации фактического отбывания виновным лицом назначенного судом уголовного наказания в соответствии с решениями, принятыми по этому поводу государственными органами, ведающими исполнением этого наказания.

В заключении следует отдельно сказать об объекте уголовного наказания. Объект наказания следует определять в сопоставлении с объектом преступления, повлекшего уголовное наказание.

Если объектом преступления являются охраняемые уголовным законом общественные отношения, то объектом наказания, соответственно, должны быть те же самые пострадавшие от преступления отношения, подлежащие восстановлению при помощи уголовного наказания. При этом субъект преступления – лицо виновное в его совершении определяется как ненадлежащая часть пострадавшего общественного отношения. Именно эта ненадлежащая часть общественного отношения и подлежит исправлению и восстановлению посредством уголовного наказания. При этом указанные в ст. 43 УК РФ цели уголовного наказания превращаются в признаки восстановления нарушенного преступлением общественного отношения посредством достижения в ходе исполнения наказания социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений.

Исходя из изложенного, можно сформулировать понятие уголовного наказания. Уголовное наказание - это коллективная деятельность государства по восстановлению пострадавшего от преступления общественного отношения посредством назначения и применения к лицу, виновному в этом преступлении указанных в обвинительном приговоре суда мер принудительного воздействия по лишению или ограничению его прав и свобод. Общественное отношение считается восстановленным при условии достижения уголовным наказанием социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений.

* Дугин А.Т. Уголовное наказание как вид коллективной деятельности государства. // Вестник НовГУ им. Я. Мудрого, № 83/2014, ч. 2, Великий Новгород, с. 69-71.

¹ Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. СПб. 1908. С. 65, 75.

² Безверхов А.Г., Жуков А.В. Теории наказания (в истории философской мысли). Самара. 2001. С.5.

³ Энциклопедия уголовного права. СПб. Издание проф. Малинина, 2007. Т.8. С. 72-125.

⁴ Дуюнов В.К. Наказание в уголовном праве России – принуждение или кара? // Государство и право. 1997. № 11. С. 61-68.

Заключение.

Преступление как фактически совершаемое деяние по мере своего возникновения в наличной внешней среде сразу же и безвозвратно уходит из настоящего в прошлое. Объективно исчезая в прошлом, оно становится недоступным в настоящем в своей изначальной физической или материальной форме. Поэтому в качестве основания уголовного правоотношения, уголовной ответственности и наказания такое деяние нельзя использовать непосредственно.

На данную роль преступление способно лишь опосредовано не материально, а только идеально, в виде тождественной ему по форме мысленной и отчасти эмоциональной модели, словесно обозначенной в материалах уголовного дела. Данная модель интеллектуально создается из обособленных фрагментов информации, данных в следах преступления, обнаруженных и признанных доказательствами по уголовному делу в установленном законом порядке.

Уголовное правоотношение – это предопределенное уголовным законом отношение государства к преступному деянию и его субъекту, нарушившему уголовно-правовой запрет на фактическое воспроизведение общественно опасных вредных деяний. Идеальная мысленная и отчасти эмоциональная форма такого отношения опредмечивается во вступившем в законную силу обвинительном приговоре суда. В этом документе содеянное от имени государства и общества квалифицируется как преступление, то есть как виновное и наказуемое общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом.

Квалифицируя деяние по соответствующей статье Уголовного кодекса, государство признает его преступлением, выражая к нему этим признанием свое типовое нормативно предписанное отношение. В приговоре суда данное отношение обретает конкретный уголовно-правовой статус. Отождествляясь в акте квалификации с конкретной уголовной нормой, оно принимает вид назначенного наказания, адекватного совершенному преступлению.

Реализуется данное отношение в фактической деятельности государства по исполнению уголовного наказания в соответствии с нормами уголовно-исполнительного права.

Личная вина в форме умысла и неосторожности предшествует преступному деянию и в этом деянии реализуется. Делая это, она превращается в неотъемлемую составную часть преступления, а точнее становится его идеальной субъективной стороной.

Исчезая в прошлом по мере своего совершения, преступление «забирает» вместе с собой из настоящего и вину, являющуюся его опережающим психическим основанием.

Вина, как составная субъективная часть фактически совершенного преступления, также как и его объективная сторона не может быть непосредственным основанием уголовной ответственности и наказания. В этом качестве она дается опосредовано в виде составной части идеальной модели совершенного преступления созданной государством.

Создавая эту модель, государство тем самым создает и модель умышленной или неосторожной вины субъекта в совершенном им преступлении. Делая это, государство включает вину в качестве составной части основания уголовно-правового отношения, уголовной ответственности и наказания.

Изложенное свидетельствует о том, что реальным или фактическим основанием уголовной ответственности и наказания является не фактически совершенное в прошлом общественно опасное деяние, а его идеальная модель, созданная государством, точнее его уголовно-процессуальной деятельностью зафиксированной в установленном законом порядке в материалах уголовного дела.

Поскольку уголовно-процессуальная деятельность государства на предварительном следствии и в суде, как и совершенное преступление, исчезает в прошлом по мере своего совершения, то единственным материальным основанием для уголовной ответственности и наказания в настоящем времени остаются материалы уголовного дела. Именно они лежат в основе квалификации содеянного на предварительном следствии и в

суде, при вынесении обвинительного приговора суда, при вступлении его в законную силу и при исполнении уголовного наказания в соответствии с нормами уголовно-исполнительного права, а также при реабилитации осужденных по вновь открывшимся обстоятельствам.

В действующем уголовном законе названные особенности установления фактов преступных проявлений, оснований уголовной ответственности, вины и наказания лиц за совершение преступлений не учитываются, а действительная роль государства в уголовных правоотношениях остается не раскрытой. Все это не способствует дальнейшему повышению эффективности уголовного судопроизводства и соблюдению законных прав и интересов граждан на предварительном следствии и в суде.

Изложенное свидетельствует о необходимости изменения действующего уголовного законодательства с целью приведения его в соответствие с реалиями судопроизводства и в направлении, предложенном для обсуждения в статьях настоящего сборника.

Библиографический список

- Безверхов А. Г., Жуков А. В. Теории наказания. Самара, 2001.
- Белкин Р.С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М. 1969.
- Белкин А.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987.
- Белкин Р. С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. М. 1993.
- Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М. 1978.
- Браинин Я. М. Уголовный закон и его применение. М. 1967.
- Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание (перевод с англ.). М., 1988.
- Виттенберг Г.Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия. Иркутск, 1970.

Гуськов А. П. Доказывание и принятие решений в уголовном процессе. Оренбург, 2000.

Давлетов А. А. Непосредственное и опосредованное познание в уголовном судопроизводстве // Проблемы укрепления социалистической законности в уголовном судопроизводстве. Барнаул, 1985.

Дугин А. Т. Основания и виды уголовного правоотношения / Правовед, межвузовский науч. сб. Вып. № 1. Великий Новгород. 1998.

Дугин А. Т. Объекты и субъекты досудебной уголовно-процессуальной деятельности // Правовед, межвузовский науч. сб., Вып. 1, Великий Новгород, 1998.

Дугин А. Т. Механизм возникновения и реализации общей и частных целей досудебной уголовно-процессуальной деятельности // Правовед, межвузовский науч. сб. Великий Новгород, 1998.

Дугин А. Т. Субъективная сторона нормативного поведения // Правовед, межвуз. науч. сб., вып. №2. 2000.

Дугин А. Т. Поведение как отношение – индивидуальное, общественное, правовое. В. Новгород, Псков, 2001.

Дугин А. Т. Проблема законности предъявленного обвинения // Правовед, вып. №3, 2001.

Дугин А. Т. Проблема основания уголовной ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов – Москва, №4 (21). 2005.

Дугин А. Т. Уголовная ответственность и ее основание // Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны личности. Сб. статей науч.-практич. конференции. Великий Новгород, 2008.

Дугин А. Т. Ответственность: Позитивная и негативная, личная, социальная, правовая и уголовная // Международная науч.-практич. конференция «Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики. СПб, 2008.

Дугин А.Т. Понятие и виды ответственности // Российская юстиция, №9, М. 2009.

Дугин А. Т. Проблема умышленной вины в Уголовном кодексе РФ // Российский следователь, №19, М., 2009.

Дугин А. Т. Основание уголовной ответственности // Правовед, межвуз. науч. сб., вып. №10, В. Новгород. 2014.

Дугин А. Т. Уголовное наказание как вид коллективной деятельности государства // Вестник НовГУ им. Я. Мудрого, №83/2014, ч. 2. Великий Новгород.

Дуюнов В. К. Наказание в уголовном праве России – принуждение или кара? // Государство и право. №11. 1997.

Жогин Н. В., Фаткулин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965.

Загородников Н. И. О пределах уголовной ответственности. Советское государство и право. 1967. № 7. 1967.

Козаченко И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья. Томск, 1987.

Козаченко И. Я. Проблемы реализации уголовной ответственности в материальном и процессуальном праве // Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права России: теория и практика. Екатеринбург, 2004. Ч. 1.

Карнеева Л. М. Привлечение в качестве обвиняемого. М., 1962.

Карнеева Л. М., Статкус В. Ф. Предъявление обвинения. М., 1973.

Клаус Г. Сила слова. М. 1967.

Ковалев М. А. Прокурорский надзор за обеспечением прав личности при расследовании преступлений. М., 1981.

Кропачев Н. М., Прохоров В. С. Механизм правового регулирования: Уголовная ответственность. СПб., 2000.

Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М. 1995.

Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1.

Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Л., 1959.

Лунев В. В. Субъективное вменение. М., 2000.

- Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985. Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985.
- Мальцев В. В. Учение об объекте преступления. В 2-х томах. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. Волгоград. 2010.
- Мальцев В. Виды непосредственного индивидуального объекта преступления. // Уголовное право, №1, М., 2012.
- Миронов В. Ю. Достоверность доказательств и их значение при постановлении приговора. Оренбург. 2006.
- Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л. 1982.
- Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. СПб. 1908.
- Соловьев А. Б., Токарева М. Е., Хабиулин А. Г. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений. М. 2000.
- Становский М. Н. К вопросу о понятии и формах реализации уголовной ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. №4. Саратов. 2005.
- Становский М. Н. О соотношении уголовной ответственности и наказания. Сб. науч. трудов под ред. Проф. Лопашенко Н. А. Уголовная политика и проблема противодействия современной преступности. Саратов. 2006.
- Медведев Н. Н. Теоретические основы расследования. Краснодар. 1977.
- Мотовиловкер Е. Я. К вопросу о предмете уголовно-процессуальной деятельности // Уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты конституционных прав граждан. Калинин. 1980.
- Мотовиловкер Е. Я. О месте квалификации в уголовно-процессуальной деятельности // Дальнейшее укрепление законности и правопорядка в свете решений XXVI съезда КПСС. М. 1982.
- Ной И. С. Уголовное правоотношение – одна из важных юридических гарантий конституционных прав и свобод советских граждан // Личность преступника и уголовная ответственность. Саратов, 1979.
- Пиаже Ж. Психология интеллекта. М., СПб, Н. Новгород, Воронеж и др. 2003.
- Протасов В. Н. Правоотношение как система. М., 1991.

Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989.

Петрухин И. Л. Презумпция невиновности и вопросы доказывания на предварительном следствии // Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1990.

Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. М. 1975.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т.1

Фромм Э. Революция надежды. М., 2006.

Чеканов В. Я. Правовые основы уголовного судопроизводства // Проблема правового статуса личности в уголовном процессе. Саратов, 1981.

Шейфер А. С. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.1975.

Шейфер А.С., Лазарева В. А. Основания оправдания и внутреннее убеждение следователя и суда // Уголовная ответственность. Основания и порядок реализации. Самара, 1990.

Энциклопедия уголовного права. СПб. Издание проф. Малинина, 2007. Т. 8.

Якубович Н. А. Теоретические основы предварительного следствия. М. 1971.

Люблю книги
ljubljuknigi.ru

yes
I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.ljubljuknigi.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.ljubljuknigi.ru

OmniScriptum Marketing DEU GmbH
Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken
Telefax: +49 681 93 81 567-9

info@omniscrptum.com
www.omniscrptum.com

OMNIScriptum

